

Гарри Цыганов

РОМАН

ОЛЕЖ
ЦАРЯ
НЕБЕСНОГО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Гарри Цыганов
Олух Царя Небесного

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Цыганов Г.

Олух Царя Небесного / Г. Цыганов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

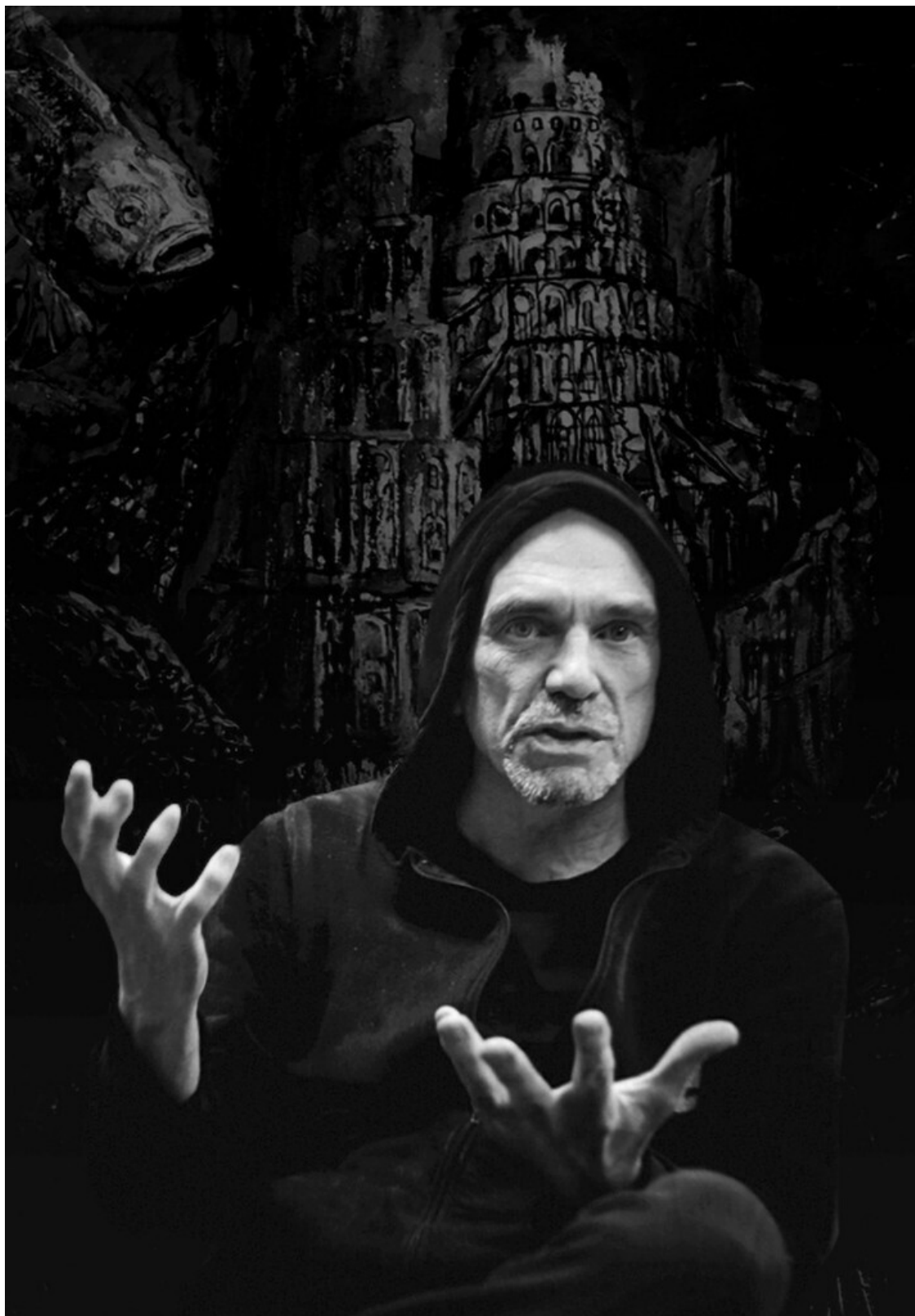
ISBN 978-5-532-96332-0

Буффонадная исповедь мыслящей человеческой особи, исповедь, от которой временами мурашки бегают по душе, звание олуха – изощрённая, искусная маска, впрочем, намертво приросшая к лицу. Художник и прозаик оперируют здесь разными категориями – изобразительной и повествовательной – и в результате выходит впечатляющая фреска: образ эпохи, «великой и ужасной», порицаемой и благословенной. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96332-0

© Цыганов Г., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Гарри Цыганов Олук Царя Небесного

Записки из астрала

Мой стон истошный, ставший песнопеньем,
Прими не с гневом, а с благоволеньем.

Григор Нарекаци
Книга Скорбных Песнопений

Начинается...

Да, да, да, да, это – оно! Пока, правда, только предчувствие, которое, впрочем, никогда не обманывало. Это состояние я не спутаю ни с чем. Я постепенно вползал туда, откуда так просто не выберешься. Эта муть может длиться, не прерываясь долгие дни, а иногда и месяцы... Я знаю, о чём говорю: у меня опыт. Как пожизненный срок. Туда только попади – и тебя нет. Ты больше не принадлежишь себе. Ты попал в тюрьму, со своими мутными законами, от которых и зависишь теперь.

Замкнутый круг! Психология. Психопатия. Состояние зависимости от самого этого состояния. В общем, тут всё очень сложно. Вернее элементарно, но нагромождено. Двумя словами его можно выразить, как предчувствие беды. Как всякий провал в никуда, оно богато кучей пустопорожних бессмыслиц: мраком чувств, тяжестью мыслей, суетой действий и всяким прочим сопутствующим хламом. В него легко попасть, выбраться – невозможно. Оно кончается само, подъев тебя изнутри. Ладно... это всё внутреннее... или наоборот, где-то там – на астральном уровне. Короче, творческие процессы...

1. Подвал

А сейчас я расскажу о себе кое-что любопытное. Чтобы сориентировать заглянувших сюда в пространстве и времени. Очень мне эти категории интересны, поскольку в моём сегодняшнем мироощущении они отсутствуют начисто. Я не очень загадочно выражаюсь?

Сейчас попробую объясниться, о каких категориях пойдёт речь. О самых что ни на есть общечеловеческих и необходимых! Я вам так скажу, без этих категорий мы потерялись бы в мирах и не факт, что когда-нибудь нашли. Так вот, именно эти категории я и теряю периодически. То есть, по моей же теории, пропадаю как существо, претендующее на общечеловеческие ценности.

Ладно. Кажется, я ещё пуше туману нагнал. А дело-то простое. Вы когда-нибудь жили ниже уровня земли? Не бывали, а именно жили. Из часа в час, изо дня в день, из года в год. О! трижды – о! Кто живал – знает, какие здесь рождаются ощущения – мироощущения! Сколько здесь покоя, неуязвимости, тишины, вечности. Да, да, именно вечности, именно! Здесь вечность ощущаешь как нигде. Под луной и звёздами такого вы не почувствуете. В квартире на девятом этаже с такой вечностью вы никогда не встретитесь, потому что в квартире на девятом этаже из всех щелей и окон бьёт живая жизнь! А погрузите вы эту квартиру под землю метра на два – и всё. В том смысле, что все связи прервутся, и наступит тишина и покой. Под луной и звёздами вы, скорее всего, почувствуете огромность мира, свою былинкообразность и уязвимость. Под луной и звёздами вечность придавит вас, пригнёт и покажет, кто вы есть в её объёмах.

В подвале же ты сам – вечность. Ограниченное пространство подвала порождает неограниченные просторы тебя самого. Луна и звёзды – это уже ты сам. И миллионы лет – ты сам. И бог – это тоже ты. Вы представляете, какие фантазии посещают тебя здесь! Впрочем, какие на хрен фантазии? Это не фантазии – это твой образ жизни. Больше скажу, это твой статус. Да именно, твой жизненный статус, реноме, твоя предьява, которую ты можешь вытащить в любых разборках на самом высоком уровне.

–Ты кто?

–Я – всё.

–Кто-кто?

–Успокойтесь, господа, я – это всё .

2. Олух Царя Небесного

Ну, вы уже поняли, с кем дело имеете? Нет ещё? Тогда читайте название, как этой главы, так и всего сочинения. Да-с, олух – это я, Ваш покорный слуга. Чтобы понять и, главное, принять это самому наверное (так говорили, во времена Достоевского, то есть наверняка) нужно было прожить полжизни. Постоянное состояние улёта сделали своё дело. Да уж, я всё время там. ТАМ – это то, что не имеет точного определения, но абсолютно понятно. Можно сказать, что это астральные выси, можно – глубины подсознания. А лучше ничего не говорить! Всё ведь и так ясно. Мне. Ну, и достаточно.

Теперь относительно возраста. Сразу хочу предупредить – у меня его нет. Вот так. Ни пространства нет, ни времени, теперь вот сообщаю – и возраста нет. Так и вспоминается небезызвестный герой в небезызвестном романе: «Чего не хватишься – ничего у вас нет!». Хотя возраст сезонный (тот, что для реального мира) всё-таки присутствует. А это лучший на свете возраст – начинающий пенсионер.

А про полжизни я не оговорился. Жить я буду долго, счастливо и умру, когда внуки женятся (такая задумка). А у меня только-только детки родились. И потом – умру ли я вообще? Не решаемый фактически вопрос. Проблема-с! Но об этом, обо всём – потом. Не стоит грузить заглянувших сюда, вот так с первых строк – подобными проблемами. Кстати, о проблемах, для заглянувших сюда. То есть для моего горячо любимого читателя, которого я жду не дожусь на своих просторах. Первая, основная, а может и единственная проблема – это я сам. А свою проблему, та, что во мне живёт – я уже обозначил.

Вот что про меня в википедии написано: «Олух царя небесного – [разговорное выражение](#), означающее «простофиля», «простак», «разиня», «придурок». В древности на Руси было в ходу [имя](#) Олух, которое постепенно исчезло, так как слово «олух» стало нарицательным. Слово произошло от собственно русского «лух» – «дурак» из диалектного «лох» – «разиня, простак». Согласно другой гипотезе, прозвище Влох этимологически связано со словом «[волхв](#)», то есть жрец, звездочёт, предсказатель, чародей, знахарь. Полное же сочетание «олух царя небесного», вероятно, является продуктом народного творчества. Оно указывает на приближённость наивных людей к Богу».

Ну, всё про меня! и лох, и волхв, и «продукт народного творчества». Куда не заглянешь в свою биографию – дурак дураком. Из школ выгоняли за тотальную и дремучую неуспеваемость (еле-еле закончил ШРМ – школу рабочей молодёжи, где учителя на экзамене сами нам подсказывали), в институт на пушечный выстрел не подпускали.

Однако волхв. Чую – жрец, чародей и знахарь. Вся конструкция мироздания мне ясна и понятна, и сияет она как град на холме, и прозрачна она, и доступна. Об этом, правда, в двух словах не скажешь – верьте мне на слово. У меня вообще всё тут так устроено, что мне только на слово и можно верить. Или не верить, дело хозяйское. Я ведь ничего доказывать не

собираюсь, по причине уже озвученной. В общем, пока так. Неуч, лох, но волхв. Одним словом – олух. И ещё, самое главное – близость Бога. Но об этом, собственно, всё сочинение...

3. Ох, хо-хо!..

Ну, и как с этим жить!? Поплыл я. Прямо с первых строк поплыл. Чуйка у меня, конечно, выдающаяся – нереально-астральная, метафизическая, и всё такое. Но. Отсутствие мозгов напрягает. Как можно жить, не имея мозгов? То есть, практических мозгов, мозгов, так сказать, чисто реальных.

Вот-вот, именно реальных и конкретных. А с реализмом у меня вообще туго. Так туго, что я его порой ощутить не могу! Чую, есть он, этот ваш реализмус, выпирает где-то, ясный такой, наглый, как весенний денёк. А попасть в него – как? Любая мысль в астрал улетает, любое движение души улечучивается в небытие. Именно. И не только мысль и душевные переживания – всё туда сваливает. Лёгкими почти райскими птахами упархивает. Сотрясение мозгов и дрожание смыслов, вместо стройной логики, о которой мечталось когда-то. Как с этим жить? И вид ещё делать...

Вид делать, что всё путём, всё «как у людей». Что я такой, как все, нормальный чел с мозгами и всяким прочим достоянием. Но об этом, тс-ссс! – никому. С этим нам ещё предстоит разбираться, осваивать, так сказать, эту аномальную территорию. Как я умудрился жизнь прожить в таком вот странном виде? Однако безнадежность данного предприятия – очевидна. Без ощущения реальности, без конкретных мозгов – ничего, ясен перец, не получится. Короче, полный аут и замкнутый круг.

Так что как-то так. На интуиции живём-с и чувственном восприятии. И ещё кой чего припасено-с. Да-с! Склонность к философствованию. ФилосОф от бога! Нормальный, такой, кстати, наборчик, чтобы выйти на просторы чистого творчества – и объяснить необъяснимое. И постигнуть непостижимое! Я и жизнь свою так прожил – необъяснимо, непостижимо. А чтобы хоть как-то двигаться к мечте – ярился. То есть, не понимая, почему мечты и я, никак не сойдёмся – закипал, не думая ни о чём. Да уж, это была моя реальность. Вот такая нереальная реальность...

Сильные чувства бурлили во мне и переливались через край. Другого толкача у меня не было – я ж адреналинщик, подсевший на сильную эмоцию. Мозгов-то нет, а двигаться надо было. В основном напролом. Вот и двигался, ярило безмозглый, куда-то вглубь своей жизни – под землю, где нет ни пространства, ни времени, ни цели. Вот и очутился нигде, с багажом неудобоваримых знаний и ощущением неполноценности. Именно. И от всего от этого всякая дребедень в голове мерещилась. Можно сказать, полная ерунда мерещилась и мерцала. А можно не говорить ничего. Пасть в нирвану и протяжно завывать.

Тут ведь выводы совершенно определённые напрашиваются. Но я не стану их озвучивать. Из чувства самосохранения, хотя бы. Я ведь не для этого за перо взялся (в смысле, по клавише стучу), чтобы с первых строк усомниться в своём предназначении (великом, между нами, предназначении). Мы ещё поборемся. Мы ещё докажем! Я вам так скажу, и без мозгов можно жить. Без них-то даже лучше получается, это вам любой дурак скажет!

Да и не о том я! НЕ – О – ТОМ! Всю жизнь – не о том!

О чём же тогда?..

Пока не знаю...

4. Нас мало

Нас мало избранных, счастливых праздных.
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

Да уж, что уж, племя наше малочисленно, так малочисленно, что мы даже не знаем друг о друге. Да и знать не хотим. Нам достаточно и себя за глаза. Так бывает достаточно, что через край проливается. О подобных себе мы из книжек узнаём, и то – случайно, потому что читать не любим. Я так скажу: стоящий художник бежит от информации, потому что переполнен ею. Она его сама находит, а он только отмахнётся: «да, знаю я...». Откуда знает – вопрос не стоит. Знаю – и всё! Загадка. Внутри у него много загадок, если копнуть. Вот и копает художник всю жизнь и витает в запредельных мирах. Витает и копает, витает и раскапывает залежи, и обнюхивает их, и заходится в творческом экстазе. А там ещё и ещё. И всё такое прекрасное...

Есть такой Артур Шопенгауэр, а у него есть книжица «Афоризмы житейской мудрости», в которую я заглянул однажды со скуки. Что тут скажешь? А скажу то, что не читал ничего – и начинать было не надо. Уже во «Введении» Артур обрадовал меня веселеньким наблюдением: «...мудрецы всех времён постоянно говорили одно и то же, а глупцы, всегда составлявшие крупнейшее большинство, постоянно одно и то же делали, – как раз противоположное; так будет продолжаться и впредь. Вот почему Вольтер говорит: “Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его”». Не правда ли, обнадёживающая «житейская мудрость»?

Грузить себя вопросами «Что есть индивид? Что имеет индивид? Чем индивид представляется?» я не стал. Немцы – жуткие зануды. Они не являют знания, они их выстраивают, скрупулезно и нудно, обсасывая причинно-следственную связь и постоянно кого-то цитируя. Будто оправдываясь, вот, мол, не один я так считаю, нас вона сколько. Читать это невозможно скучно. Залез в середину и обнаружил...

Пожалуйста, вот и ответ, почему я счастливый такой! Например, Аристотель, которого опять цитирует Шопенгауэр, являет знания. Он объявляет самой счастливой – жизнь философа: «Подлинное счастье состоит в возможности беспрепятственного применения наших совершенств...». Гёте ему вторит: «Кто от рождения обладает даром быть даровитым (чё сказал?), обретёт в нём радость бытия». Артуру и этого мало – расставляет всё по полочкам. Начинает втирать о трансцендентных мирах и интеллекте, витающем в тех мирах. Моя славянская душа не выдерживает пережевывания понятной мысли. Что немцу хорошо, русскому – смерть. Говорю по-русски: досуг у меня есть, и мысль моя со скуки бродит, где захочет. В основном, в астральных мирах. Так что живу я жизнью высшего порядка. Вот так. В общем, молодец Артур, – ответил на вопрос, почему я счастливый такой на пять с плюсом.

Так вот, всё у меня, счастливца, замечательно. Настолько замечательно, что я даже побаиваюсь говорить об этом. Чтобы не сглазить. Но сейчас скажу. Потому что на этом пространстве можно говорить всё. Моя любовь к самокопанию – это отдельная субстанция, которую так просто не сглазишь. Это суть моя просится на волю, а суть сглазу не поддаётся. Факт. Это пространство в пространстве. Здесь я свободен от всего. Это моя территория, по которой ползают только мои тараканы. Здесь я исповедуюсь и раскрываюсь. Бывает, до такой степени исповедуюсь и раскрываюсь, что уж и сам не ведаю, мои ли это исповеди и раскрывания. То есть происходит некий зуд откровения и диссонанс искренности. Во как! Это когда так себя разоблачишь, бывает, что уж и сам не веришь ни единому слову. И вспомнишь кстати, (или некстати) что «мысль изреченная – есть ложь». Ну, и ещё что-нибудь в этом роде...

А потом абсолютно и окончательно всё это хозяйство отвергнешь к чертям собачьим совсем и воспаришь в высших сферах, то бишь в трансцендентных мирах, о которых поведал нам господин Шопенгауэр. И всё на этом и закончится. Это и будет моя суть окончательная,

которая не любит ни исповедей, ни разоблачений, а любит только себя. Примерно так у меня всё и происходит по вечерам...

Но я отвлёкся сразу от двух тем. Какой я замечательный счастливец, какой редкостный везунчик, но в какой я при этом впадаю ступор и мрак. Начну, естественно, со второй, самой волнительной и пронзительной: состояния беды. А про то, как у меня всё замечательно – потом. Или вообще умолчу. Как сказал ещё один счастливец, мой далёкий деревенский дружок Андрияша, о котором я обязательно расскажу, потому что он – счастливец из счастливцев. А сказал он буквально следующее: «Счастье было бы возможно, если бы оно не вызывало столько раздражения у окружающих». Это он про себя сказал, однако как наш брат «счастливец» может раздражать окружающих – мне напоминать не надо. Так что я ещё десять раз подумаю, раздражать окружающий мир своим счастьем или сдержаться.

Вот о состоянии беды – сколько угодно. Тут уж точно раздражение ни у кого не вызовет. Только глубочайший интерес и неподдельное сочувствие. Поэтому об этом я расскажу всё как есть. Эта тема вечная и необычайно популярная, особенно у русских, потому что этот зверь непростой, живучий и очень наш. Наш – это значит, мы сроднились с ним настолько, что вполне могли бы сделать его символом нации. Беда – абсолютно русский зверь.

5. Во глубине глубин глубоких

А начну я из глубины веков. Из таких глубин глубоких, которых для многих и не было вовсе. Из тех глубин, о которых историки не упоминают, потому как не знают о них ни черта. Потому как, это глубины духовной жизни, а в этом вопросе не только у историков, а и у обычных мыслителей мнений столько, сколько этих мыслителей есть в наличие. Так вот, в глубине веков, такое создалось впечатление у меня как у мыслителя (безмозглого, заметьте, мыслителя), всё было просто и понятно. Это сейчас нагромодили всякой ерунды и без великого пройды Фрейда и армии его многочисленных последователей в этой ерунде, и разобраться невозможно. (Пройда, кстати, самое безобидное определение этой зловредной и никчёмной личности). Таково моё частное мнение.

Впрочем, в моём тексте никаких других мнений и быть не должно. Эту мысль я бы особо выделил. НИКАКИХ, повторюсь, чуждых мнений, только СВОИ, – бесспорные и окончательные. И цитировать, кстати, в отличие от немецкой философской мысли, будем только себя. То есть искать подтверждение своей правоты в чужих высказываниях – не обязательно. Так что вот так как-то. В глубине веков Фрейда, слава богу, не было – поэтому всё было ясно и понятно. Я вообще склонен думать, что психоанализ, как всякая зловредная деятельность, сам себя и породил. Это простые истины рождаются в сферах небесных, а психоанализ, как вирус, самозародился и зудит, знаете ли, и чего-то требует (бабла в основном). А дальше получается так: чем больше мы громоздим в мире выдуманных проблем, тем больше нужно психоаналитиков, решающих эти проблемы. А психоаналитики ребята не промах – тут как тут. Знал я двух лично. Обоих звали Алёнами, и проблем от этих Алён у меня была целая куча.

Так вот, в той древней древности на Руси отношение к миру было совершенно иным. Потому что не только Фрейда, но и либералов там не было. И русская интеллигенция ещё не замутила свою подрывную деятельность. Золотое было времечко! Божье. То есть, во всём виделся лик божий, и слышалось его же дыхание. Даже когда, человек совершал преступление, то его судили не за само преступление, а за нарушение божьих заповедей. Древние люди как дети ощущали мир цельным, единичным, и нарушение этой сущности как творения божьего – и было преступлением.

У древних, бог – точка отсчёта всего. Понимание жизни было органично, представление о мире было как о едином доме, в котором законы общежития – божьи законы, и они были

естественны, как сама жизнь. Наши предки были невинным и свободным племенем, они молились духам воздуха, света, журчащим ручьям – бог был разлит всюду. Наши отцы смотрели на мир ясно и просто – не краснели при виде обнажённого женского тела, слышали музыку звёздного неба, и впадали в ярость на полях сражения. И всегда побеждали. Битва была для них образом жизни, а боевой дух – естеством. Живя на склонах холмов и в долинах живой природы, они заложили основы натуральной науки, культуры и философии. Кто знает, что за великое будущее ожидало бы нас, если бы...

Если бы, если бы! Я по молодости рыдал в этом месте. Да какое, по молодости! Ещё недавно я стонал, бился и рвался в бой со всеми, кто покусился на нашу самость. Было время, когда я, в традициях отцов, рвал врагов и метал в них же все мои обличительные копья и дротики, пропитанные ядом. Да уж. Однако это не правильно. Это я сейчас понял, когда, наконец, задумался. Ну, негоже в моём возрасте впадать в раж и яриться, пусть даже ради истины отцов. А правильно будет поступить так, как поступают китайцы. Мудрейшие из них. Они садятся на берегу реки, и ждут, когда мимо них проплывёт труп их врага. Врагов же у меня так много, что остаётся только узнать, чей труп среди проплывающих, будет милее моему сердцу.

Вот! Я вижу своё ближайшее будущее. Я буду сидеть на берегу воображаемой реки и грезить, и ждать, ждать. Я буду так царственно спокоен, так нравственно высок, что моё буддхическое тело – (тело интеллекта, если кто не в курсе), которое и у меня, наконец, проявится и вознесётся надо мной. Оно будет иметь форму светового шара, а попросту говоря – нимб вокруг головы. Таким и запомнюсь я в сказаниях и легендах, которые непременно должны оставить свой след, после моего ухода...

Первый сиреневый трупик, кувыркающийся в грозных водах бурлящей реки, (это всё-таки моя река, не китайская – поэтому и бурление вод) так вот, первым будет, конечно же, апостол Павел, тот, что в девичестве Савл, или Саул. Он и есть самая милая моему сердцу вражина. Чем же этот, известный в определённых кругах господин хороший, так не угодил моему буддхическому телу? Что тут скажешь! – лучше бы ничего не говорить, конечно, и не начинать даже, но для людей далёких от хитросплетения религии, буквально пару слов. Это его стараниями началась вся эта кутерьма, под названием христианство. А, как известно, христианство долго мутило воду, пока не заползло в Римскую империю, и непосредственно в далеко не буддхические мозги императора Константина. Христианство – это название религии. С одной стороны. С другой же – кладёшь нравственных постулатов и прогрессивных идей. Их до сих пор так и называют – христианские ценности. Чтобы утвердить их, необходимо было уничтожить все предыдущие ценности. Ну, и началось новым христианским воинством плановое и несуетное завоевание мира...

Кстати. Загнул я про сиреневый трупик, кувыркающийся в моём бурном сознании. Уж кто-кто, а апостол Павел и сегодня живее всех живых. У них много таких жизнестойких деятелей. Иоанн, например, тоже много нужного и полезного сделал. Моисей, не к ночи будет помянут. Короче, сиди, не сиди китайцем у реки хоть Хуанхэ, хоть Енисей – ничего путного не высидишь. А эти ребята как раз не сидели сиднем, а очень даже плодотворно трудились на благо и процветание своей родины. А чтобы родина правильно процветала, нужно было убедить весь мир в своей избранной уникальности. И достичь этого можно было, только утвердив новую религию. Тут «христианские ценности» и пришили ко двору. В методах не церемонились. Тихой сапой, уничтожая по пути все прочие святыни, и шельмуя неугодных, утверждали эти ценности. Здесь, быть может, впервые применялся метод выжженной территории, но в духовном, так сказать, плане. То есть завоевание происходило не на поле битвы, а в умах, сердцах и душах. Там и разжигались пожарчики. Мир был завоёван без всяких армий, без грубой силы. Они сделали это исключительно с помощью мозгов, которые у них были заточены как-то особенно.

6. Марк Ильич

А дальше... я умолкаю. И предоставляю слово новому своему персонажу. Это некто Марк Эли (Ильич) Раваж. Кто такой? – да такой же чумовой философ, типа меня, а по совместительству личный биограф семьи Ротшильдов. Тут уж конечно – фирма! Здесь уж, да уж. Еврей. Навёл шороху в своё время: «а сейчас я расскажу вам ВСЮ правду». Чуете? Это ж как я в молодости. Я тоже непременно ВСЮ правду говорил. Поразил он меня, короче. Так порастил, что я усомнился в его реальности и заподозрил подвох. Но поразило меня всё-таки то, что я, заметьте, не еврей – к тем же выводам и пригрёб. Впрочем, хватит ля-ля – послушаем это чудо саморазоблачения, которому, кстати, «сто лет в обед». Этим откровением он разразился аж в 1928 году.

«Две тысячи лет назад, в далёкой от вас Палестине, наша религия впала в разложение и голый материализм. Храмом Соломона завладели банкиры-менялы. Разложившиеся в конец, самолюбивые раввины доили народ и жирели. И тогда появился юный патриот-идеалист, и пошёл по стране, взывая обновить веру. Он и не думал создавать церковь. Как и другие пророки до него, он думал только очистить и вдохнуть новую жизнь в старую веру. Он атаковал раввинов и выгнал банкиров из храма. Это привело к его конфликту с существующими олигархами, в результате чего всё это кончилось для него плачевно.

Только после разрушения Иерусалима Римом новая секта вышла из тени. И то, только потому, что её в борьбе с Римом начали поддерживать еврейские олигархи. И тогда один еврей по имени Павел или, по-еврейски, Саул (по-русски – Савл), начал воплощать идею разрушения Рима, через его основу – армию, посредством христианской доктрины непротивления злу насилием, что и осуществилось маленькой сектой «христиан» в Риме.

Естественно, что все первые христиане были евреями. Павел стал Апостолом для гоев, хотя до этого он был главным гонителем христиан. Как вы сами понимаете, его, якобы, «чудесное перевоплощение» в связи с видениями, наверно, было гораздо более прозаическим. И так хорошо Павел поставил пропагандистскую работу, что в течение четырёх столетий, огромная империя, покорившая вместе с половиной мира и маленькую еврейскую Палестину, стала кучей обломков, а закон Сиона стал официальной религией Рима». (Конец цитаты).

А что же Русь святая? Как она-то из своей древней древности выкарабкалась? Да так как-то. До сих пор спорят, и ничего путного не находят. Оказалось, что никакая она не святая, и православной-то стала, только благодаря передовым идеям и нравственным постулатам христианства. Если б не Крещение тёмного, дикого, погрязшего в невежестве язычества народа, если б не Византийская благодать, всё бы тогда – кирдык. Кончилась бы наша песня, не начавшись. Так за нас и про нас решили учёные мужи. При этом объяснить природу самого ПРАВОСЛАВИЯ – не смогли. То есть объясняют, но как-то корявенько, по понятиям, типа это – самая правильная религия (orthodox). У правильных пацанов – правильная религия. А на выходе: «Ортодоксальная автокефальная церковь византийского толка».

Однако в глубине глубин глубоких у тёмного, дикого, где-то и в чём-то погрязшего народа была вера. Не надуманная и не придуманная умными пацанами с Палестины, а идущая из самых глубин и всего уклада жизни. ВЕРА понятие сакральное, и само его название состояло из двух древнеарийских рун: руна ВЕДЫ – способность изведать божественную мудрость; руна РА – сияние чистой правды. Или просто – ведать Ра. А само ПРАВОСЛАВИЕ ещё понятней

объясняется: народ ПРАВЬ славил (высшую Правду). Всё так просто! И жило это, и существовало, когда и Византии-то в помине не было, и самого христианства и даже ветхозаветного бога, из которого потом всё это хозяйство повылупилось.

А дальше – вместо Сияния Чистой Правды, нас одарили историей становления некоего неизвестного и непонятного нам народа. Рассказав, между прочим, что народ этот не просто так – он избран самим Господом Богом. Здесь вновь я даю слово новому своему знакомцу Марку Ильичу. Он так восхитительно беззастенчив, что некоторые товарищи засомневались в подлинности этой личности. Но тут уж я вступлюсь за биографа и филосОфа. По мне так, это естественное желание уставшего от жизни и мудрости победителя расставить все точки над «ё». Прошло два тысячелетия, а несмышлёным гоям нужно рассказать и даже втолковать, как их грамотно развели в своё время. Так они ещё и упираются – не верят...

«Мы сделали вас добровольными и бессознательными носителями нашей миссии в этом мире, посланцами варварским расам Земли, и бесчисленным ещё не родившимся поколениям. Без ясного понимания, как мы вас используем, вы стали агентами нашей расовой традиции и культуры, неся наше Евангелие во все уголки света.

Наши племенные законы стали основой вашего морального кодекса. Наши племенные законы стали основой всех ваших конституций и законоположений. Наши легенды и миф стали истинами, которые вы напеваете своим младенцам. Наши поэты сочинили все ваши молитвенники и книги. Наша национальная история Израйля стала основой вашей собственной истории. Наши цари, государственные деятели, воины и пророки стали и вашими героями тоже. Наша малюсенькая древняя страна стал вашей Святой Землёй! Наша мифология стала вашей Священной Библией! Мысли и идеи наших людей переплелись с вашими традициями до той степени, что у вас не считается образованным человек, который не знаком с нашим расовым наследием». (Конец цитаты).

Ну, что тут скажешь, – беда. И здесь я абсолютно серьёзен. Хотя Раваж пишет только о следствии той экспансии, однако само Крещение было замешано на страшной крови, и вылилось в глубочайшую трагедию Руси. Историю вымарали (историки у нас пугливые и послушные), а пропагандисты (всё те же красавцы) умные, организованные и циничные – оказались на высоте. Пропаганда и шельмование всегда были неотъемлемой частью этой религии. Память вытравливали тщательно и жестоко. Но и Русь не сдавалась. Русь уходила в леса, сжигала себя целыми селениями и молчала. И сейчас молчит. Однако. Вопреки. Где и как – непонятно. Но в глубине глубин глубоких сохранились ещё сакральные знания – нечто волнующее и раздражающее нас. Сияние Чистой Правды остаётся нашей грёзой, тайной мечтой и единственной религией. И Христос между нами.

7. Так что же я? А вот...

Я художник. И это не профессия – это бытие мое. Я не живу жизнью, я живу вечностью и бессмертием. Впрочем, пафос этой фразы, отдающей надгробной речью, боюсь, уничтожает саму мысль. Однако моя «вечность» и моё «бессмертие» не про то, не про «вечную память творцу». Они именно про ВЕЧНОСТЬ, в понимании её данности как условия существования. Нет тут пафоса, а есть понимание невозможности другого пути. И я хочу, чтобы меня поняли именно в этом контексте «невозможности другого пути».

Я живу только так. Даже в обыденной жизни я нахожусь в параллельном мире, то есть ТАМ. Я всегда, хоть краешком сознания, но – ТАМ. Я интуитивно ощущаю свою принадлежность к вечности. Для меня потусторонний мир так же естественен, как мир реальный. Более

того, инобытие – моя постоянная среда обитания, моя кухня, если хотите. Тот мир для меня ближе и понятней, чем этот. Там – высшая правда, а это мой камертон подлинности и путеводитель в горние миры. Поэтому вопроса, верую ли я в загробную жизнь, в вечную жизнь – не существует. Как можно не верить в то, в чём живёшь. На этом и тормознём... – пока не разобрало окончательно.

Так что же я? А вот: читаю... в основном себя, слушаю себя, мыслю о себе, думаю... над собой. Думать же можно по-разному: можно думать непосредственно думу, то есть мыслить как бы изнутри лабиринта оной мысли. А можно быть над мыслью – подняться в выси и посмотреть оттуда, на себя, на мысль свою, и оценить всё это хозяйство. Это я определил как «надприродное сознание», которое не раз уже поминал. (Даже целую теорию вывел, но это тема отдельная). Короче, объясниться пора. Назрело.

Так вот, оценивая себя, так сказать с высот и вершин, возникают вопросы. Вернее один, но самый главный – Вопрос Вопросыч – вопрос всяя жизни. Вот что это ты? – спрашиваю я себя. – Что пристал к себе? Чего докопался? Что ты всё выискиваешь внутри, писака? Графоман, всю жизнь пишуший один единственный роман о себе. Хотя роман уже пятый, но всё о себе, горячо и предано любимом. Что ты хочешь найти там? Впрочем, с жанром ты так и не определился – роман ты пишешь или развёрнутое эссе, или... это просто трёп, что больше всего, кстати, подходит к этому словоизвержению. До этого, впрочем, и дела никому нет. Потому как существуешь ты, если не в полной изоляции, то приближенно к этому. Полтора читателя, один из которых ты сам, не станут спорить о жанре. Да и ни о чём другом спорить не станут.

Ладно. Пусть в стол ты пишешь, типа будущим поколениям завещаешь свои бессмертные строки. Были такие понятия в советские времена: рукопись – «в стол», фильм – «на полку». Но тогда это было актуально и даже почётно, мол, есть такие «узники совести», которые не в силах молчать, но и под чужую дуду не поют, не пляшут. Вот и писали, и даже кое-чего написали. А сейчас? Пиши что хочешь, издавай себя сам, и радуйся. Вернее не так. Возрадуйся и возликуй, творец – настали твои времена! Никакой цензуры, никаких тебе запретов, твори, родной, во благо и во имя!

И чё?... Оказывается нельзя с нами так. Не по-людски это. Мы без внешнего сопротивления разлагаемся и вымираем. Впрочем, и это не мой вариант. У олуха свой мир, в котором своё сопротивление. Вся жизнь ему – препятствие. У олуха всё ни как у людей. А у олуха-писателя, всё ни как у просто писателя. У него мир звуков и чисел, музыки и логики там, где нормальный нравственно здоровый писатель ничего не услышит. Впрочем, где вы встречали нравственно здоровых писателей? Ладно, даже среди относительно здоровых писателей, да, что уж там... даже среди полоумных писателей, я – белая ворона.

Поэтому и дозрел я однажды до мысли, что я – аномалия. Нормальная такая магнитная аномалия. Причём, настолько магнитная, что не могу сам с себя соскочить – притягиваю неотвратно! И на вопрос, какого чёрта ты пишешь о своей персоне, словно ты Пушкин и фанат-пушкинист в одном лице? Я отвечаю, что есть такая потребность. А Пушкина я вспомнил не случайно. Один приятель мне как-то сказал, что я на Пушкина похож. Увидев моё радостное недоумение, он объяснился: «Тебя тоже убить хочется».

Тут он попал в яблочко. Внутри меня такое творится (замечу, не разово, а постоянно), что, убить меня хочется даже мне самому. Да уж, трудно мне. Внутри себя трудно, противно и даже невозможно. Если не выскажусь – разорвёт. Поэтому и не прячусь, высказываюсь, чтобы хоть как-то разделить эту невозможность со всем миром. Да-с, такой уж я романтик! Всем по кусочку той невозможности, глядишь, всё и рассосётся. Правда, романтик он и есть романтик, потому как желающих разделить со мной такое вдохновение маловато оказалось. В реальности же – вообще никого...

Вот и попал я внутрь оной проблемы, как кур в ошип. Или, как мне когда-то слышалось, как «кур во щи». Нормальненько я так высказался. Хотел написать умно и драматично, что, мол, моя воспалённая вселенная не уживается с вашей вечной вселенной, то есть, со всеобщим миропорядком. А написалось про кура, которого ошипывают, чтобы сожрать. Потому как, это соответствует моему униженному положению. Барахтающийся в огненно кислых щах безумный ошипанный кур – вот мой образ и моё место, и статус, и прочая...

Вот, вот, донёс я, наконец, своё мироощущение – состояние полного отчаяния! Проявление сильных чувств – вот главная проблема для меня. Псих я, ярило и безумец! Псих такой, что впору... ну, если не вешаться, то что-то в этом роде предпринять. Я же, как войду в свою зону турбулентности (а она у меня по любому поводу) – святых выноси! Впрочем, тут не только святых – всех выносить надо. Потому как я выношу мозг начисто, и вынести такое, могу только я сам. Но тогда я впадаю в полный кураж, а это чревато. Чревато для окружающей природы. Чревато тем, что я есмь. Аномалия, разгуливающая на свободе – это вам как – стрёмно? Впрочем, Вечность (моя любимая Вечность) она же всё приемлет. Всё воспримет, всех успокоит. По головке погладит, ранку залижет и... нетути меня... в домике... спрятался под землёй, и живу тихо-тихо. Бога хочу постичь... в смысле... ну, как постичь? – богоборец во мне вдруг нарисовался... а как без него?... без богоборца я буду не я... я ж – аномалия...

Я же, как матушка Русь, оттуда и вышел – из глубины глубин, из вечной вечности, где всё было девственно чисто. Я помнил ещё тот запах воздуха и журчанье ручья, и взгляд мой был страстен и слух чуток. Я не вписался в этот мир, но и тот расплескал. Я оказался нигде – в безвременье, безмыслие, засунутый под землю. И бог этот ваш, еврейско-европейский, потасканный и слегка ущербный – меня не только не спас, но разъял мне мозг и посеял в душе мрак. Я и закопал его однажды...

А рассуждать о нём – что? бог – это такая хитрющая тема. С одной стороны, вечная тема, а с другой – там такие хитрованы поработали, что уж и не знаю, право – всех святых давно вынесли! Есть бог, нет его – не это им было важно, а важно, что тема эта – неуязвимая и нерешаемая. Там всё так хитро заплетено! Что бы кто ни говорил, а Тот, Который в их книжках прописан, и в ус не дует, и бородой не трясёт. Типа давай, давай, приятель, мы внимательно слушаем, только... не докажешь ты всё одно ни черта! Мы эту территорию покрыли основательно. Навсегда.

Я вот лично об эту тему все свои зубья поломал. Уже новые давно выросли, так я и их поломал. И что вы думаете, один я такой беззубый? Да ни в коем разе! Ни один, сколько-нибудь уважающий себя борзописец (и сам Лев Толстой, и большой друг Христа – Достоевский) не обошёл её стороной. Я так скажу, если ты занялся этой странной работёнкой, писательством то есть, то без двух тем, тебе не обойтись. Это – Бог и Эротика. Эротика в самом широком смысле – как основной инстинкт Жизни. И бог, конечно, не Тот Который в их книжках прописан, а Бог как смысл той Жизни.

Эротика и Бог – это основа основ писательского труда, потому как, это основа жизни. А если вдуматься, (что нам, впрочем, противопоказано) то тема выходит вообще одна на все времена: ЭРОТИКА + БОГ = ЛЮБОВЬ. Нет любви – нет литературы! Так-то вот. В принципе, на этом можно поставить жирную точку. Самая главная мысль в этом лучшем из миров – озвучена. Оспорить её не суждено никому. Ну, если только Ницше попробует, но он умер. Сказал, что бог умер, а умер сам. Вот, и поди ж ты! И так...

8. Шаткое доказательство существования Бога

Как всякий «счастливец праздный», я болен темой бога. Иначе говоря, я болен инобытием. Ну, да, ну, да – именно болен. Хотел сказать, что меня волнует тема бога, а написал слово «болен», и всё встало на свои места. Потому как Сияние Чистой Правды, которая смысл и суть всех вещей, если помните, говорит мне, что не может быть такой мрачной и безысходной религии. Поэтому все мы больны тем ветхим Богом (не в смысле ветхозаветным, а их трактовкой Того Самого).

Я человек неуравновешенный, как было доложено выше (или свыше). А это значит, что религиозные люди меня раздражают. Почти до обморока, то есть бесят. А те, кто говорит, что живут во имя Бога (Того Самого) – убивают во мне всё светлое и чистое. А со мной нельзя так. Я и так больной на голову, а если ещё лишит меня светлых ориентиров, то уж и не знаю, в какие дебри заведёт меня освобождённая и тёмная сторона моей личности. Короче, вся эта религиозная паства вместе с их поводырями кажутся мне людьми или недалёкими, или лживыми, а часто и тем, и другим одновременно. Я им не верю. Я их не понимаю. Я их не люблю. Я с ними несовместим. Я бегу от них. Это ещё одна разновидность Алён (поминал я тут как-то Алён-фрейдисток). Поминал также, что они находятся в состоянии зависимости от самого своего состояния. Меняется только предмет вожделения, вернее меняется название предмета вожделения. Вообще, мне давно кажется, что вся путаница происходит именно в названиях – в Слове. Поэтому, вспомнив Иоанна, скажу так: «В начале путаницы было Слово, и слово это – Бог».

Кстати, идея тут возникла. А что если одних зависимых попытаться лечить другими зависимыми – клин клином, так сказать. То есть, Алёнам-фрейдисткам дать поручение разобратся с богозависимой публикой. Сеансы проводить, внушения... глядишь, они друг дружку и успокоят... поедят, конечно, чуток, но и успокоят потом. Потому как одного поля ягоды. Ведь религиозные люди, посвятившие себя Господу, отрекаются от мирской жизни, презируют всё телесное, чтобы возвысить дух, приблизить себя к Богу. Это ведь тоже аномалия, причём, ещё какая магнитная. Я бы сказал – магнитно-магнетическая! Я сам себя примагнитил и то маюсь, а их – Нечто под названием Господь. Но я не поклоняюсь себе, не молюсь себе, я себя – постигаю. Я бога в себе постигаю. Моё я, моё ego и есть бог, которого я силюсь постичь. А у этих бедолаг – что?

Мне всегда казалось странным, что можно из всего богатства и многообразия жизни вычленил бога в отдельный символ и предаваться изо дня в день поклонению его образу, молитве и уничтожению себя. Что-то в этом глубоко противное природе. Во всяком случае, моей природе. Да и верующим в религиозном понимании я бы себя не назвал. Это что-то совсем иное. Как я уже говорил, как можно не верить в то, в чём живёшь. Наверное, поэтому никакого придыхания и какой-то особой умильной любви к Богу я не испытываю. Для меня ненормальным является выделение его в отдельную субстанцию. Он живёт во мне, я – в нём; он – моя суть. Он есть ВСЁ и НИЧТО. Из Ничто черпается Всё. Сияние Чистой Правды и есть всё и ничто, потому что это понятие абсолютное, философское. Это как Чистый Разум. Это – камертон, которым проверяется подлинность. Бог это явление абсолютное – абсолютной ЧИСТОТЫ и абсолютной ПРАВДЫ, это квинтэссенция всего: жизни, смерти, начала и конца. Он изначален и конечен. Он существует и отсутствует одновременно.

И объяснение этого великого парадокса я обнаружил в даосизме: «Те, кто говорят, что могут объяснить Дао, не понимают его, а те, кто понимают его, не объясняют ничего...». В этой формуле абсолютно моё отношение к Богу. Больше скажу, основы даосизма и явились той прарелигией, из которой впоследствии черпали знания все последующие религии. Бог абсолютен, реален, но как только словами начинаешь осваивать это пространство – он мельчает и, в конечном счёте, – исчезает. Или становится чем-то отвлечённым, как некий философский символ. А в философии всё шатко – и доказать можно всё, и опровергнуть.

Из истории вопроса. Некогда в Китае наравне с мощными религиозно-философскими учениями – конфуцианством и буддизмом – возникла уникальная доктрина, у истоков которой, по легенде, стоял мудрец Лао Цзы (Старый младенец), написавший даосский трактат «Дао дэ Цзин», где изложены основные положения даосизма. Центральное место в доктрине даосизма занимает Учение о Дао. Дао – «нерождённое, порождающее всё сущее», всеобщий Закон, господствующий вечно и всюду, первооснова бытия. Непостижимое для органов чувств, неисчерпаемое и постоянное, без имени и формы, Дао даёт имя и форму всему.

Я не изучал даосизм. Я его предчувствовал, то есть знал, не оформляя эти знания словом. То, что я прочёл однажды «Дао дэ Цзин», не удивило меня, оно как бы уже существовало во мне. «Знаю, и всё!» Это было абсолютно моё восприятие, то есть я так и мыслил, так и ощущал ЭТО. Новым стало только само слово, обозначающее понятие Дао. Но ведь это абсолютно неважно, как назвать НЕЧТО: Бог, Дао или выразить ещё каким-нибудь звуком. Аллах, например или Иегова.

Но я отвлёкся. В своих трактатах о Дао Лао-Цзы писал, что «перед лицом смерти всё ничтожно, из-за всего существующего проглядывает Ничто. Ничто – это и есть первооснова мира, из Ничто всё возникает. Ничто – путь вещей, явлений, процессов, потому что из Ничто всё вытекает и в Ничто всё возвращается». «Ничто» – это слово, которое не обозначает ничего. И в то же время это глобальное понятие, где твоё воображение рисует изначальный мир. Это – первооснова, та девственная глина, из которой Господь вылепил этот мир. И это сродни творчеству. Только попав в резонанс изначального Ничто, ты способен стать выразителем его, а значит воспроизвести его суть.

Но дальше наши пути расходятся. Вернее так: дальше начинается практика, и у каждого свой неповторимый опыт. Даосы считают, что утрачивая личностное начало (его, «Я»), ты приобретаешь к Дао – Великому Ничто, постигая Великое Ничто и становясь им, ты способен стать чем угодно, не будучи больше «Я», но становясь Всем и Ничем одновременно. Всё в мире происходит спонтанно, естественно, по воле Неба, благодаря механизму, называемому «небесной пружиной». Пытаясь влиять на ход событий, человек нарушает гармонию, поэтому одним из даосских принципов является недеяние (У-вэй). У-вэй – не есть бездействие, это действие вне ума, вне рассуждений, действия в медитативном состоянии тишины ума, когда поступки текут естественным образом, без предположений о ходе событий, без трактовки их, без объяснений. В состоянии У-вэй можно рубить дрова, рисовать картины, возделывать сад – делать что угодно, если ваш ум при этом молчит. Адепт занимает наблюдательную позицию ко всему, особенно по отношению к себе. Он невозмутим и анализирует всё посредством интуитивного мышления. Небесная пружина, своеобразный «первотолчок», инициирует жизнь человека, которая затем спонтанно протекает от рождения до смерти.

Мир по своей сути не содержит противоречий, но в нём происходит вечная трансформация. Ты должен покорно следовать потоку жизни, пребывая в естественности и природной простоте; принимать всё спокойно и естественно, не противореча своей природе, не ведя войны с самим собой. Успокоиться и принимать мир таким, каков он есть здесь и сейчас. Следуя таким путем, находясь в естественной гармонии с миром, в гармонии с природой, возможно обретение долголетия и процветания духа. По мнению даосов, природа сама себя созидает и сама себя упорядочивает, имея высшее духовное начало в своей первооснове. Все проявления природы – есть проявления этого духовного начала. Именно в постижении постоянной природной деятельности скрыт источник глубочайшей Истины о мире. Так считают даосы.

Но есть абсолютно противоположное понимание его – его неповторимость и ценность. Не утрачивая личностное начало, но, напротив, возведя его в истину – человек постигает мир. Вот так выглядит его логический строй: Кто формирует Человека? Жизнь. Жизнь это Желание, любое желание – грех. Однако сами Атомы одарены желанием жизни. В Человеке тайна аллегорического «Греха», падения Духа в Материю – формирует истинное, неповторимое его.

ЭГО и являет бога на земле. Одно лишь высшее Я, истинное ЭГО – божественно и есть БОГ в человеке. Это уже европейское понимание.

Ну, а поскольку русская мысль впитала оба восприятия, так и не определившись, Восток мы или Запад, а скорее – просто зависла в двух этих глобальных, но несовместимых мирах. И эта двойственность восприятия у русского человека стало началом тех роковых противоречий, что сформировало нас как нацию.

9. Вот и поди ж ты!..

Меня тоже формировала моя практика. И эти противоречия двух миров коснулись меня не умозрительно, а в самом что ни на есть реализме. В том реализме, что так и не суждено мне было постичь. Вот и поди ж ты. Практика, практика... какая на хрен практика? Наверное, пора уже завязывать выражаться умно, а то сам себя перестаёшь понимать. На самом деле всё просто. Эта самая чёртова практика – моя жизнь, и противоречий в ней набралось выше крыши, которую сносило у меня периодически на протяжении всей этой грёбаной практики. Я стал ху... художником. Остаётся выяснить, кто эту долбаную практику мне подсунил – или сам я её сотворил, или она меня проверяла на вшивость? Да-да, именно – проверяла на вшивость!

И вопрос этот из серии – Вопрос Вопросычей, на который ответом станет опять же моя жизнь (долбаная в те дни и грёбаная). Потому что мой «ху-художник» это, прежде всего, Копатель (копатель сути, если кто не понял). Копатель и вопрошает, вытаращив глаза: как же это случилось, что ты стал художником? Лично я не понимаю до сих пор! Не понимаю, не догоняю, не ведаю, в какой небесной или подземной канцелярии замутили этот компот – решили, что я художник. Всё случилось само собой, по накатанной, так сказать, плоскости. Отец художник, ну и сынку, стало быть, куда-то в те края определим...

Мной, впрочем, никогда особо не занимались. Весь родительский задор и пыл, и энтузиазм был растрачен на их дочь – мою старшую сестру. Какие-то бесконечные кружки, секции, фигурное катание, долбёжка на фоне семь лет кряду, престижная архитектурная школа... всё это закончилось, впрочем, довольно плачевно – алкоголизм, тюрьма и ранняя смерть вышеозначенной дочери. А я был такой Люля. Люля это моё детское прозвище, которое приросло ко мне надолго. Во всяком случае, в семье. Люля – это прообраз Олуха, как я теперь понимаю. Люля был таинственный малый, «странный» – так его называли потом многие. А он был не странный, он был НИКАКОЙ, но это я уже потом определил. То есть, совсем никакой как дао, но без божественных смыслов. Он будто был, но его будто и не было. По большому счёту он отсутствовал. И, естественно, ничего не хотел. Вообще. И как тут было этому Люле чем-то увлечься?

Но теперь я так скажу: быть никаким – это первый признак величия. Ещё не само величие, но признак очень существенный. А если ты ещё ленив как бог, и оторван от реального мира, то Художник-копатель у нас почти состоялся. Он тих и задумчив. Но. Это – уже аномалия, гигант и потенциальный властитель дум. Осталось совсем немного – прожить эту долбаную жизнь и воплотить задуманное. Вот тут, где никто ничего не подозревал – и оказалась самая большая загвоздка. Почти непреодолимая. Нам не нравилась эта жизнь. Совсем. Нам – это мне и моему другу Копателю. Не нравилась не почему-либо, просто не нравилась, как данность – и всё. Она нас раздражала просто своим проявлением – ярким солнечным деньком, скажем. В отместку она нас выталкивала из себя. И мы отвращались от неё совсем, что было уже нашей реакцией на её выталкивания. Вот такой замкнутый круг взаимонеприятия. Мы с ней не совмещались. Выражаясь по-научному – не было у нас диффузии, не случилось, знаете ли, проникновения одного в другое...

Вообще, на этом феномене надо бы тормознуть. Может, и раскопаем чего. Поймите меня правильно, можно просто жить изо дня в день – радоваться, огорчаться, даже страдать, даже яриться! Думать, верить, сомневаться, преодолевать – да всё, что угодно! И это будет жизнь. Здесь же... странное ощущение непричастности – к радости, горю и ко всему, что случается в этой жизни, что она, собственно, из себя и представляет. То есть, ты не просто живёшь, а как бы параллельно прокручиваешь её как кинофильму. И оцениваешь. Остаётся только понять, может это просто свойство мозга. И феномен этот и не феномен вовсе, а пусть и необычное, но реальное свойство природы – самоустраняться. И это свойство не принадлежало лично нам с Копателем, а вполне себе возможно и у остальных homo sapiens. Да-с. Быть может, это некое свойство творческой природы.

Ещё скажу (потому как оседлал я тут своего Конька Горбунка, и лечу уже к высотам мысли), что, чем больше ты человек, тем больше ты отстранён от этой жизни. Это уже из моей теории о Надприродном сознании. Вот и поди ж ты. Соорудил я такую теорию, во времена моей «странной» молодости, и до сих пор она жива и функционирует. И не потому только, что об этой теории больше никто не слышал, (быть может, она и существует, да я об этом ничего не знаю – не суть) а потому, главное, что она меня не разочаровала до сих пор.

Суть её в том, что ЧЕЛОВЕК как уникальный, а по сути, единственный вид в животном мире должен иметь какое-то свойство, отличающее его от остального мира. Просто в своё время я стал свидетелем такой полемики. Приводилось масса аргументов в пользу человека, как высшего духовного проявления Природы и Космоса. Прежде всего, это мышление, РАЗУМ. Само определение – человек разумный, говорило, что корень искать надо здесь, в самом загадочном его проявлении – в мозге. Но вот какое свойство мышления отличало его? Ведь и животный мир мыслит, но, при этом, не изобретает, скажем, велосипеда. И романы не пишет, хотя язык свой имеет, и такие трели выводит порой, что человеку и не повторить, и не приблизиться. Так какое же свойство этих самых мозгов нас так возносит?

А вот это свойство и возносит. Умение посмотреть со звезды. Не на звезду, а ОТТУДА посмотреть. Вознестись НАД природой, над самой мыслью, над – над. Ещё есть одно определение древних – Разум, сам себя осознающий. Это сказано о Логосе. Но это и есть высшее проявление мышления. Механизм мышления. Сознание ВНЕ, сознание НАД – есть единственное свойство, отличающее нас от остального мира. Так я решил однажды. И никто, и я в том числе, не опроверг ещё этого утверждения.

И ещё. Этим свойством обладает в основном мужчина (если мужчину и женщину брать в «чистом виде», то есть без проникновения одного пола в другой, как это часто случается в природе). У женщин преобладает природное мышление. Классический пример: когда наступает похолодание, женщина – обрастает жирком; мужчина – изобретает шубу. Или печь. А это уже НАДприродное сознание. И совсем, так сказать, ЕЩЁ. Сам Бог НЕ обладает этим свойством. Тем более в моём понимании бога как дао. И здесь кроется уникальность и величие ЧЕЛОВЕКА. И его абсолютного одиночества. И его вселенской трагедии...

10. И всё-таки!

И всё-таки! Всё-таки существование бытия божьего у меня зависло. Дао переводится как ПУТЬ, (пусть даже в высшие пределы) и сколько бы я не повторял формулу: «Те, кто говорят, что могут объяснить дао, не понимают его, а те, кто понимают его, не объясняют ничего...» – к бытию божьему это никак не относится. То есть эта формула имеет отношение к пути, и даже не Бога, а к Высшей сущности. Поэтому само существование бытия божьего даосизм не объясняет никак, поскольку в даосизме и конфуцианстве Бога как понятия не существует.

Бога как личность нам подарили древние. В Египте Аменхотеп IV пытался утвердить Единобожие (правда, неудачно), греки поселили богов на Олимп, во главе с Зевсом. Но особенно в этом преуспели иудеи в Бытии, что входит в Пятикнижие Библии. Откуда сам Господь появился, Библия умалчивает, но создал Господь и небо, и землю, и всевозможными тварями её населил, и человека создал. Ну, и потом, как бы в довесок, из ребра первочеловека – создал и первую женщину.

Прошли века, прежде чем человечество задумалось о доказательстве того легендарного явления. Так однажды появились пять доказательств бытия Бога Фомы Аквинского. Но эти доказательства сосредоточены главным образом не на высшей сущности Бога, что обязательно для религиозного понимания, а на материальном мире. Поэтому Кант так легко разделался со всеми пятью доказательствами Фомы, и, как нам популярно разъяснил Булгаков – ненароком соорудил шестое. Конечно же, шестое доказательство Канта потрясает, и выражено оно, как всё гениальное, кратко и просто – я свободен, а значит, Бог есть. Только и здесь высшая сущность Бога является следствием. Следствием выстроенного философом логического умозаключения. А в философии, как я уже отмечал, всё шатко – и доказать можно всё и опровергнуть.

Кант начинает шестое доказательство бытия Бога с известной посылки: ничто не происходит в мире без причины. Принцип детерминизма (причинно-следственных отношений) – это общий закон мироздания. Этому закону подчиняется и человек. Однако бывают случаи, когда человек действует свободно, ничем не понуждаемый. То есть, как будто без причины. Иными словами, там, где нет свободы – там нет ответственности, и не может быть ни права, ни нравственности. Кант считает, что отрицать свободу человека – это то же самое, что отрицать самую мораль и нравственность. С другой же стороны, не смотря на окружающие обстоятельства, особенности характера, наследственность и т.п., перед любым поступком у человека есть *время*, когда он может сделать свободный выбор в пользу того или иного решения. Это и есть свобода по Канту.

Итак, Кант в доказательстве бытия Бога выводит два фактора: 1) Всё в мире живёт по закону причинности. 2) Человек в редкие мгновения своей свободы не подчиняется этому закону. А значит – Бог есть. Я бы эту логику продолжил так: я люблю, а Бог есть любовь – значит, Бог есть. Не знаю, не знаю, как вам такая логика, но не такого БЫТИЯ БОГА мы ожидали. Свобода, Любовь – это всё в человеке, а хотелось бы про самого Бога, про бытие божье. И здесь почему-то вспоминается возглас поэта Бездомного: «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!»

Я же попытаюсь заехать с другой, более привычной стороны – из Библии, которую, каюсь, недолюбиваю, вернее, не понимаю того ажиотажа, который нагнетается вокруг этой неоднозначной книги. И трепета с придыханием, с которым цитируют строки оттуда. И начнём мы со знакомого всем высказывания Иоанна: «Вначале было слово. И слово было у Бога, и слово было Бог». Ну! ведь звучит! Это уже не сказка о бородатом старце, создавшем всё – здесь осмысление божьей сущности. И здесь не свойства Человека, познавшего божью суть – здесь определение самого Бога: слово было Бог. Только и это определение нас не устроит. Меня, правда, тут попытались поправить, мол, Евангелие переводилось с греческого, а у греков написано Logos. Хорошо, только это ничего не меняет, потому как Слово в глубинном понимании и есть Логос (отсюда потом и логика возникла). Логос – Разум, сам себя осознающий. Но это – мужское начало. По Иоанну выходит, в основе мироздания лежит мужское начало.

На этом, собственно, вся Библия и стоит: ветхий Бог – мужского рода. В Евангелие уже – триединая сущность Бога: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой (два мужчины и одно нечто – голубок, который, кстати, и принёс человечеству Благоую весть). Существует, конечно, Божья Матерь, но она как бы за скобками – не является божьей сущностью. Однако именно здесь и обнаружен логический провал! Здесь всё вопиёт – и твердь небесная и земля животворящая! Этот мир, так уж случилось, поделён на мужское и женское начала. Женское начало – ПРИ-

РОДНОЕ, мужское – НАДПРИРОДНОЕ (вот и теория наша сгодились). Иначе ничего бы не было! И женская природа – это не довесок в виде ребра Адама, и не функция, назначение которой рожать. Это полноценное и равное явление Бытия.

Ничто не существовало: ни ясное Небо,
Ни величья свод, над Землёю простёртый.
–Что же покрывало всё? Что ограждало? Что скрывало?
Были ли то бездонные глубины вод?
Не было смерти, и бессмертия не было.
Не было границ между днём и ночью.
Лишь Единый в своём дыхании без вздоха,
И ничто другое не имело бытия.
Царил Мрак, и всё было сокрыто изначала
В глубинах Мрака – Океана бессветного.
Зародыш, скрытый в скорлупе,
Под жаром пламени в природу развернулся.
Риг-Веда

Имеющий уши да услышит. Всё уже сказано и написано. Вот оно – начало бытия Бога!
«Тьма излучает Свет, и Свет роняет одинокий Луч в Воды, в глубину Лона Матери. Луч пронизывает Девственное Яйцо...».*

То есть, НЕЧТО находилось в состоянии тьмы. Но Оно, узрев МАТЕРЬ, – засветилось.
«Свет – Хладный Пламень, и Пламень – Огонь, и Огонь рождает Тепло, Воду производящее – Воду Жизни в Матери Великой».*

Тьма недвижима, мертва – в ней смысла нет. В ней вообще ничего нет – ни смысла, ни бессмыслицы. Это такое состояние вселенской прострации. И если бы не Матерь – так и пребывал бы Отец во Тьме великой, пока не превратился бы в Чёрную Дыру. И не было бы НИЧЕГО. Но Он узрел Матерь – и появилось ВСЁ.

«Он проник в Неё, распространяясь молочко-белыми сгустками в Глубинах Матери, Корне, растущем в Недрах Океана Жизни».*

* Станцы Дзиан. Космическая эволюция.

Произошло чудо – зародилась ЖИЗНЬ. То есть, всё просто: вселенская жизнь и жизнь любой божьей твари происходит через соединение полов. Через соитие, через зачатие! Но именно это и возмущает христиан. Никакого ЧУДА – сплошная, пардон, физиология. То ли дело голубок порхал, знаки подавал – Благую весть принёс. И зачатие, хоть и случилось, но НЕПОРОЧНОЕ...

Однако. СВЯТАЯ СВЯТЫХ – это Лоно Матери. У израильтян главной функцией Иеговы было деторождение, и эзотеризм Библии, истолкованный каббалистами, указывает, что Святая Святых в храме – символ утробы. Эта идея была заимствована иудеями у египтян и индусов (это к вопросу уникальности Библии). Индусы не стеснялись, кстати, в храмах изображать сценки совокупления. Фаллический элемент встречается в каждом имени, данном Богу. ГОЙ – (русск.) оголённый, чистый. Почтительное обращение к мужчине у древних славян. Буквально: полноценный мужской половой член. Гойная сила – сила жизни, плодородие. ХЕР – старославянская буква ХЕРЬ – обозначает божественное. – Геракл (Heracles); Геркулес (Herilus); Эрос (Herotius); Герой (Herois).

Испокон веку у всех народов в основе жизни и веры лежало продолжение РОДА, деторождение. Только у «избранного народа» фаллические символы стали непристойны, в силу их материального и животного элемента. Это был роковой уклон с пути Истины.

Евреи назвали своего Бога – Иегова. В переводе J, hovah или Jah-Eve. Jah совершенное число или один (фаллическое начало) и Hovah (или Ева) имеет значение, как и у древних – Отец-Мать. Но дальше началась трансформация его в единую сущность Отца. Так, в Бытии, в его искажённом переводе звучит: «...тогда начали люди призывать имя Господа», на самом деле это должно читаться: «...тогда начали люди называть себя именем J, hovah», или мужчинами и женщинами, кем они стали после разделения полов. А дальше... Каин убил Авеля, то есть Каин (мужчина или Jah) убил Авеля (Eve) – сестру свою. Или мужское начало убило женское. С тех пор властвует Бог-Отец. То есть произошла антропологическая революция: Мать была поглощена Отцом. А на земле, женщина стала низшим существом, рабыней мужчин.

Однако это не помешало иудеям «Печать Вишну» – двойной треугольник – имеющий много тайных смыслов, но также символизирующий мужское и женское начало (один треугольник входит в другой), сделать символом нации и назвать его Звезда Давида. Так что убедительнейшее доказательство бытия Бога написано древними. И написано так, что возражений тут быть не должно, и не может. Потому что здесь сошлось всё: и духовное, и материальное, и физика, и метафизика. И сама Жизнь.

11. Ху-ху... или Рисую Бога

Мы же остановились на самом волнительном повороте моей судьбы. Я стал ху... художником. Да, именно это запинание, это «ху-ху» и окрасило мой период творческого становления. Окрасило большим сомнением – туда ли я полез. А он, этот период становления, если быть точным, ещё не завершился. Да и предусмотрено ли тут завершение? Вопрос. И ещё одно уточнение. Надприродное сознание и есть основа творчества. Кстати, «посмотреть со звезды», что и является надприродным сознанием, конечно же, не мной придумано. Это живёт в подсознании любой творческой личности. И в сознании тоже...

Я всю жизнь рисовал. Вернее сказать, что-то изображал, потому что рисовать-то я как раз не любил. И не умел. Умение рисовать, кстати, для художника это вопрос «на засыпку». Здесь таится самая неразрешимая закавыка для нашего брата. Умение рисовать правильно порой для творчества – самая большая и неразрешимая проблема. Но об этом лучше и не начинать, потому как закончить невозможно. Тем более рассказ у нас о самом начале пути в неизвестность. Так вот, всё моё ученичество было пронизано мукой и раздражением. Я ненавидел походы на этюды, все эти дали в дымке, стога на закате, ненавидел вечные натюрморты с парафиновыми фруктами, гипсовые головы и проч., чем вдохновляли нас в художественной школе, где я благополучно прозябал. Пока меня оттуда не выгнали. По причине как раз неспособности к рисованию. По той же причине и в институт я не попал. Моя нелюбовь к рисованию по принуждению, сказала на моём образовании. Я образовывался сам. Всю жизнь. И вот что я понял: учёба и творчество – вещи несовместимые (для меня уж точно), потому что природа их в сути своей различна. Моя же природа требовала свободы и чистого творчества.

А чистое творчество – вещь неподъёмная. Да и есть ли оно вообще? Поэтому и поиски мои были иллюзорны и тяжелы. Так неподъёмно тяжелы, что и вспоминать неохота. Я ничего не принимал на веру. И учителям не верил. И Отца Небесного убивал. И пусть не пугает вас эта страшенькая фраза – я был, доведён до отчаяния. Жизнь по всем пунктам отторгала юношу, поэтому юноша всё, что хоть сколько-нибудь напоминало жизнь – презирал и старательно вымарывал из сознания. А уж, кто ещё как не Отец Небесный заварил всю эту кашу, и выставил на позор его – потерянного и несчастного. Это сейчас я узнал, что «нашёл одного учителя

– потерял истинного», и услышал: «не сотвори себе кумира», и осознал мысль: «увидел бога – убей бога». Все эти истины копились веками, чтобы примирить однажды мой юношеский нигилизм с мудростью предков. Убить Всевышнего невозможно, тогда как, уничтожив ограниченный взгляд на него, обретаешь истинного Творца. Наш взгляд – порождение несовершенного ума, и втискивая Беспредельное в рамки своего узкого предела мышления, – теряем его.

Вообще-то, если копать глубоко... (а копать мой Копатель намерен глубоко, до самого дна, иначе и смысла мы не видим в этом занятии). Так вот, в этом «глубоко» и зарыта моя собака. Глубоко зарыта, поэтому и копал всю жизнь. Но тогда я находился в полном неведении. Я просто жаждал. Чего? Я и сам толком не знал. «Духовной жаждою томим...». Но я был юношей вдумчивым и уже тогда начал копать. Мне нужны были подлинные знания – первооснова всего. Я их предчувствовал, оставалось только оформить эти предчувствия в логический строй стоящего ответа. И я оформлял и параллельно формировал своё Я. Это то, о чём кто-то когда-то сказал, а я запомнил: «Одно лишь высшее Я, истинное ЭГО – божественно и есть БОГ в человеке».

Запомнить запомнил, но смысл истинного ЭГО предстояло ещё раскопать и доказывать всю жизнь. Истинное Я, это, собственно, и есть смысл и конечная цель любого творца и его творчества. Ведь в искусстве ценно только уникальное и неповторимое Я – всё остальное, даже высоты мастерства – вторичны. Только твоя индивидуальность ценна, и чем больше ты неповторим, тем выше статус. Вся история искусства – это, прежде всего, Имена. Называешь Имя – открывается эпоха. Никому не надо объяснять, кто такой Рублёв, Рембрандт или Пикассо. Это уже планеты в космосе. Впрочем, это я сейчас понимаю, что я что-то формировал и оформлял, тогда же я просто пытался жить, то есть тыкался в эту странную жизнь, как телёнок в мамку и ждал благо. И творчество моё было таким же, каким был я сам. Ну, а поскольку тогда я был никаким, то и творческие поиски мои были хаотичны и неопределённые. Однако я был упёртый, заперся в отцовской мастерской и работал. То есть занимался своеобразной гимнастикой: стирал кисти, дырявил холсты и краску превращал в грязь. Я не ведал, что творю, просто блуждал по пустыне – слепой и без поводыря. За 6 лет я не написал ничего. Вообще.

Вспоминая теперь то время, и пытаюсь быть скрупулёзным в оценках, скажу, что с настоящей школой я всё-таки столкнулся. Я её воспринял и даже в ученической практике кое-чего понял и достиг. [Ян Раухвергер](#) был одно время моим учителем. (Он натаскивал меня в Полиграфический институт). Сам он был учеником Вейсберга. А Владимир Вейсберг нёс в себе ШКОЛУ. Подлинную школу, а не ту, чем пичкали меня в этой жизни. Я слышал, что он был учеником Осмёркина, а там и до Сурикова было рукой подать. Впрочем, эту цепочку «учитель – ученик», если уж быть совсем точным, – я додумал. От Осмёркина до Сурикова был ещё, быть может, и Кончаловский. А может, и никого не было. Я хотел сказать только, что существовала подлинная школа. Ян преподавал мне основу творчества – отключать мозги. Достигал он этого специальными упражнениями. И это стало для меня в будущем сверхзадачей и философией всего творческого процесса.

А процесс, мягко говоря, затянулся. Никуда не поступив, и отслужив в армии, я стал копать. Это были самые страшные годы моей биографии. Отчаяние душило, и Копатель пытал не по-детски – туда ли я гребу? Но что-то удерживало меня от полной капитуляции, и я продолжал свои мазохистские упражнения. Теперь-то я, кажется, догадываюсь, что мне было нужно. Я хотел понять природу вещей. Не предмет, не пейзаж, не портрет, но суть их волновали меня. Предмет изнутри, его тайная формула, код. Не изображение видимого мира, но поиск его основы – было моей тайной сверхзадачей всю жизнь.

Понимание родилось вдруг. Но не сразу. Через многие годы, через многие картины, рождённые и несостоявшиеся. Через несколько персональных выставок. Через сияние Чистой Правды, которое снизошло однажды. Я задался вопросом, ответ на который и явился бы ответом всей жизни. Все мои грёзы, мой пыл, опыт, вся ворожба над холстом, весь неистовый поиск

истины – всё это для чего-то ведь было нужно? Или нет?.. Это трудно объяснить и понять даже мне самому. Где гуляла моя творческая мысль? чем питалась? где паслось моё голодное стадо? Я искал нечто, искал НИЧТО – дао, разлитое во всём видимом и невидимом мире, которое ни объяснить, ни понять невозможно. Я искал убедительный ответ на незаданный вопрос.

И вот что я всё-таки понял. Если всю жизнь я искал ту неуловимую истину, сияние чистой правды, и пытался изобразить суть несказанного, то назвав ЭТО своим именем, получится, что я искал Бога (или Дао, или истинное Эго) и рисовал его бесконечное проявление во всём, его неуловимый лик. Я пытался войти в это поле подлинности, где существует Бог. ЭТО никак не вмещалось у меня в пределы холста, ЭТОМУ всегда было мало места в пространстве моего сознания. Но постоянное стремление в те пределы дали мне ощущение подлинной правды.

12. Богомаз или Дурень думкою богатеет

Но однажды мне привиделся Образ Его Самого. Вы понимаете, о чём я? То есть, я так много и напряжённо думал в том направлении, что, не то, что сроднился – скорее раскрепостился настолько, что замахнулся. Проскочил ту грань, которую не надо бы проскакивать. Короче, я задался вопросом вопросов: так ли неуловим Его «неуловимый лик»? И не бросить ли мне, типа того... вызов Небу, изобразив Его Самого? А чё?

Вы, наверное, подумаете, ну, ну... у богатых свои прибабахи. (Ясен перец, что у богатых в духовном плане, потому как гений и бабло – у меня лично не совмещается). На это я не стану возражать. Потому что. Потому что этот вопрос лежит в иной плоскости. Не в реальном мире, с которым у нас постоянная напряжённость, а где-то там. Там, куда нас тянет неодолимо. Он завис между философичностью и психопатией (то есть, в наших художнических буднях). Забегая вперёд, скажу: нет ничего глупее и безнадежней, чем изображать то, что зыбко, шатко, неуловимо. Чего не существует как реальность. Но и тут всё сошлось – даже безнадежная глупость затеи не стала препятствием, а, напротив, своеобразным толкачом. Всё богатое нутро моё раскрылось для восприятия... этого предприятия. Я завёлся и, как говаривали в старину попы – впал в прелесть.

И мысль (если это мысль) уже карябала моё надприродное сознание. И уже на доньшке подсознания можно было расслышать: «Меня коснулось непостижимое, я сам теперь бог, я вошёл в истину. Пора, брат, пора выбираться на просторы и обрести абсолютную свободу!» – нет, я так не думал, это было что-то другое, фатальное – шло фоном, и было глубоко спрятано. Так глубоко, что и не формулировалось никак, а жило отдельной жизнью, которой как бы и не было вовсе. Миражи. Фантазия. Однако миражи – мой образ жизни, а фантазии – единственное занятие, в котором я преуспел и сделал своей профессией. Короче я ушёл в отрыв, объяснить который простой человеческой логикой невозможно. А вот на уровне безумия, которое, впрочем, так естественно для меня, проявился образ той вечной Истины, что изначально – суть сути вещей. А суть сути вещей – это, конечно же, Бог. И у меня возник соблазн изобразить Его на холсте. Ведь магия непознанного так велика, а человеческий разум так податлив соблазну.

Так что влип я тогда капитально. Хотел я этого или нет, но комплекс Люцифера коснулся и меня. Но главное – я влип в историю, из которой ещё предстояло выбираться, желательно с удобоваримыми потерями. Короче, дальше наступало время БЕЗВРЕМЕНЬЯ. И «как всякий провал, оно богато кучей пустопорожних бессмыслиц: мраком чувств, тяжестью мыслей, суетой действий и всяким прочим сопутствующим хламом» – с этой мрачной хроники я и начал свои записки.

А началось это чудо в деревне. Дней пять я ходил дурак дураком – и светился своей новой тайной. Я видел Образ Его Самого. Видел как Нечто, как Ничто, как воспоминание о будущем, как предчувствие встречи с инобытием. Я зависал в этой нирване НИГДЕ, пране

НИЧТО в этой тайной заводи своего сознания – и умирал от предчувствий чего-то абсолютного и истинного. Каждый вечер, выходя на веранду покурить дежурную трубку, я видел свою новую картину. Воображение рисовало образ лица, проявленного в пространстве. Божий лик проявлялся в божьем пространстве. Изголодавшись по своему ремеслу (здесь я не имел возможности работать), я шаманил над воображаемой картиной. Ночное небо, пронзительный воздух, природа видимая, и природа в своей глубинной и первозданной сути – всё работало на раскрытие образа.

Почему Бог имел черты человеческого лица – неведомо. Так было – и всё. Впрочем, а чей лик я должен был представить себе? Потом уже я пытался дать ему имя и погорел на этом окончательно. Бога изображали на иконах. Причём, в разных видах. Троица – триединая сущность Бога. И весь Путь Христов. А вот изображение Бога-Отца считалось неканоническим, однако изображение Бога-Отца Саваофа всё-таки встречалось.

На Руси иконописца так и звали – богомаз. Вот и я готовился назваться этим весёлым именем. Будьте как дети. Если спросить любого ребёнка, как он представляет себе Бога, то он, скорее всего, скажет, что это добрый (или строгий, но справедливый) дедушка с большой белой бородой, который сидит на облаках. Впрочем, так его представляют не только дети. Ветхий библейский бог так и рисовался. В основном – у них. Оттуда и привезли нам то, что назвали светской живописью. Но случилось это в XVIII веке. У них же в начале XVI века уже творились вещи непревзойдённые. Фреска «Сотворение Адама» на потолке Сикстинской капеллы величайшее творение флорентийского мастера. Так вот, библейский сюжет, в котором Бог вдыхает жизнь в Адама, изображает как раз ветхого Бога (дедушку с большой бородой). Правда, у Микеланджело что Адам, что Бог, с точки зрения анатомии, вид имели (если так можно выразиться) запредельного совершенства. Впрочем, у него вся Сикстинская капелла населена суперменами с идеальными фигурами.

Но флорентийский мастер, зашифровал на фреске человеческий мозг. Мозг, скрытый в образе Бога, окружённого ангелами, оставался незамеченным до конца XX века. Некто Фрэнк Мешбергер, врач по профессии увидел в общем абрисе – скрытую иллюстрацию анатомии мозга. Так что гений Микеланджело, в своём послании, как бы говорит, что все эти библейские сказания – лишь порождение Человека, его вселенского Мозга. Правда, быть может, Мешбергеру это привиделось, то есть у Микеланджело изображение мозга получилось по наитию, не специально. Ведь увидел Дали в образе Сикстинской мадонны Рафаэля – ухо. (И даже изобразил его, включив в него Матерь с Младенцем). А УХО, как известно, имеет форму зародыша. А это уже философия начала Жизни. А истина была, есть и будет в том, что Бог есть. Или его нет. Больше вариантов человечество не придумало (есть, правда, дао, которое есть и нет в одном лице).

Вот, собственно, и вся предыстория. Если простенько. А если чуть глубже, подробней, то совсем неясно, как там всё происходило. И что теперь? А теперь пора было ехать – в Москву, в Москву! – выяснять, как там дела обстоят... в сферах небесных и мозговых. И что первично – Бог, Мозг или Ухо. Так и началась у меня эта страшенькая история. А как вы хотели? Истина не любит, когда её ищут, а уж когда в ней ковыряются такие вот Копатели – она мстит. Ну, и задумка, конечно, впечатляла... – дурень думкою богат!

Вообще, то, что задумывалось сначала и образовывалось потом на выходе – совершенно разные вещи. У меня – так. Во всём и всегда – полная неопределённость. Это у кого-то бывает: задумал – воплотил. Нарисовал эскиз, покрутил-повертел – и вот вам картина. Так, впрочем, и должно быть у нормальных профессионалов. У меня же так не бывает никогда. Что со мной происходит – неведомо. В те моменты творческого неистовства Бог (если вообще, он участвует в этом) отворачивается и сокрушённо молчит, потому что в моих мозговых сферах творится всё неправильно и не по-божьи.

Почему не по-божьи? Трудно сказать точно, но то, что я лез напролом туда, куда нужно проникать, затаив дыхание – отчасти объясняет эти постоянные сбои. А если ещё прибавить бешеную энергию моего бешеного духа – всё становилось ясно. Моё неистовство пробивало всё. Происходил сбой системы. Его системы. Поэтому и молчал Он и сокрушался, потому что во мне ломался Он Сам. Вот-вот. Именно поломанный Бог и мучил меня так безнадежно и страшно. Но главное, ни одна картина не далась просто так, каждый новый холст проходил через то горнило. Трагедия эта, быть может, и оправдывала как-то моё существование. Этой работой я и занимаюсь всю жизнь. Пишу картины. Почему именно картины, я и сам толком не знаю. Они меня заглатывают, как Иону кит, и я долго потом выкарабкиваюсь из их чрева. Картины мои многосложны и длинны как романы. Я вообще литературен. Поэтому и выскажусь литературно. Они многотрудны как моя жизнь. Это больше чем профессия. Это даже больше чем творчество. Это нечто сокровенное и абсолютное как смысл жизни. Это то, что можно предъявить в конце как отчёт, вот, мол – здесь всё. Здесь мой путь и суть моя.

13. Как теперь жить?

Как можно жить и работать, когда ты бросаешь курить? Если при этом курил всю жизнь. Даже до рождения – в прошлой жизни. И пил примерно столько же. Как, я вас спрашиваю? Как?!!

Ладно. Не надо нервничать. Попробую разобраться в этой неестественной и почти безысходной ситуации. Не пью я уже лет пять, но снится мне исключительно пьянка. То есть ничего другого мне и не снится. Представляете, какой возвышенной жизнью я живу. Я так скажу, алкоголики бывают пьющие и непьющие. Один мой приятель, бросив пить, даже воду пил со значением. Выпьет залпом, выдохнет и задумается, что это он сейчас принял. А что же я? Короче, это фантазмагорическое занятие не отпускает меня и сегодня. Дело в том, что самому, усилием воли, бросить пить – нереально. И мечтать об этом нечего. Настоящий алкоголик никогда не опустится до подобной ерунды. У меня всё и всегда было по-настоящему. Настолько по-настоящему, что каждый раз я пил до конца – до самого что ни на есть дна. Конец этот мог стать и моим концом, то есть концом окончательным.

Возникает вопрос: почему же не стал? Я не знаю. Очевидно, потому же. Очевидно, я так задуман – всё доводить до полного финиша, до отвращения. На пятьдесят каком-то году – водка в меня перестала залезать. Но я не успокоился – перешёл на пиво. Два года я питался пивом. И опять потерпел фиаско – и пиво в меня не лезло. И вот чего я добился. Теперь мой организм отдаёт это богатство, что копил всю жизнь. Со дна меня поднимается мутная пена, и рвётся наружу. Мутная пена – это моё достояние, моё богатство, это всё, что осталось от прошлой жизни. От великого противостояния двух миров: истинного его и нелюбезной действительности. Да уж. Это были годы схватки за право быть. Быть поглощённым вечностью. Сколько моих друзей этим правом воспользовались! А вот я проскочил. Это были годы провала в никуда, в нирвану, в ПУСТОТУ! В ту пустоту, которая и была моим божеством – суть сути вещей. Та пустота, с чего всё началось и всё закончится. В ту пустоту, которую я постигал всю жизнь, но так и не постиг окончательно. Да и как исчерпать неисчерпаемое?

О да, я курил и писал романы о своём питии. То есть сначала пил и курил, а потом курил и писал. Совмещать питие с писанием романов, да и картин у меня не получалось. Слишком велико было проникновение первого, чтобы я мог задуматься о втором. Сначала я проникал в ту пустоту. Проникал и проникал, ибо нет предела познанию. Но был предел моих возможностей – дно, к которому я стремился, и которого всегда достигал. Потом наступали муки расставания с этим потрясающим занятием (ну не мог же я пить всё время чисто физически, хотя так хотелось!). Тогда я ложился – и не пил. Тоже одно из потрясающих занятий, что отложились в

моей памяти. Одна из величайших страниц биографии: лежал – и не пил! Но выпитое накануне жило во мне, оно говорило со мной, оно меня убаюкивало, уносило в трансцендентные миры...

Я лежал по трое суток без сна. Профессионалы знают, как трудна и безыкусна жизнь алкоголика. Выход из многодневной ходки всегда заканчивался бессонницей. Но ведь что-то со мной случилось за те сутки? По всяким там законам бытия что-то непременно должно было случаться. Но... я так скажу: ничего не случилось – я только умирал и немел. Именно: умирал и немел. И вот оттуда... из немоты умирания... являлось НИЧТО. Вы только не подумайте... ты, мой дорогой и единственный Читатель не подумай, что я отчаянно вру. Это выстраданное состояние и я ни на что его не сменяю, я буду говорить о нём тихо и со значением, потому что здесь – ВСЁ. Как писал Лао-Цзы «перед лицом смерти всё ничтожно, из-за всего существующего проглядывает Ничто. Ничто – и есть первооснова мира, из Ничто всё возникает. Ничто – путь вещей, явлений, процессов, потому что из Ничто всё вытекает и в Ничто всё возвращается».

Я лежал и тупо смотрел в это Ничто. То есть внутрь себя, что было одно и то же. И вот оттуда... из крошечного меня вылезали... нет, не чёртики вылезали и не зелёные человечки, чушь всё это и глупость! Мы люди творческие, многоплановые и со вкусом, ну какие у нас могут быть зелёные человечки? Образы будущих картин вылезали из меня! А вы думали, откуда берутся произведения искусства у человечества? Оттуда и берутся. Из того Великого Лежания. Из того фантазмагорического внегалактического улёта в область божественных откровений и дьявольских насмешек! Из того Ничто. Из астрала. Да-с. Вот так вот всё и происходит! Именно.

Вру я всё. Конечно же, вру. Или нет? В той жизни сейчас невозможно разобраться. Остались только памятные кадры, которые и сняты теперь с назойливостью госпожи Совети (только эта дамочка может так прилипнуть, доставая тебя). А кадры той кинофильмы были страшенькие. Впрочем, бывали всякие: и романтические, и криминальные, и мистические, и совсем уже сюрные. Было и такое. Просыпаюсь я как-то внутри костра. То есть лежбище моё натурально горит, а я возлежу в центре как жертвенный баран. Языки пламени лижут меня, а я ничего не чувствую. Без вмешательства здесь, естественно, не обошлось. Ведь Кто-то же разбудил меня (не будем уточнять Кто). Удивительнее всего, что и Огонь был Благодатный, (такой же, что из [Гроба Господня](#), в [Иерусалиме](#)) иначе как объяснить, что ни одного ожога на теле вашего покорного слуги не было. То есть я восстал с жертвенного ложа, нетронут и чист как агнец! Это к вопросу совмещения двух удовольствий. Когда одновременно пьёшь и куришь – можно и не проснуться. Не всем же уготована встреча с Благодатным Огнём.

Как, скажите, как теперь можно жить и работать без той божественной подпитки? Да никак! Поэтому и не пишу я больше романов о своём питии. В общем, всему приходит конец. Вернее не так: всё имеет свой цикл. Пьяный цикл завершился со смертью матери. Я начал самостоятельную жизнь очень поздно, когда нормальный Поэт уже давно стал легендой, а нормальный Художник ещё не вошёл во вкус, то есть было мне – за пятьдесят. А успеть нужно было многое. Авансы, что раздавал мне Господь, приличные люди возвращают. Ведь для чего-то Он оставил меня жить. И об этом я расскажу прямо сейчас.

14. Смерть Матери

Мать умирала не один год. Как отец приказал долго жить, так она и начала умирать: с декабря 1994 по ноябрь 2007 года. 13 лет моего прозябания. Теперь я знаю точно – она хотела забрать меня с собой. Моя мама была не проста, любовь ко мне имела роковую и шутить не любила. Да такими вещами и не шутят.

Мать была жертва. По гороскопу, по жизни, по восприятию той жизни. Это была её фишка, её объяснение всему, что с ней случалось. Кого – чего она была жертва – людей, судьбы, обстоятельств? – не ясно. Но эта жертвенность стала её жизненным статусом. Она сидела на кухне, раскладывала картишки и курила. Изо дня в день. До утра. Это было так значимо, даже торжественно. Она страдала. То есть лицо её излучало постоянную вселенскую скорбь. Почему вселенскую? Наверное, потому, что так мощно и бесконечно скорбеть, можно только в масштабе вселенной.

Лет пять такого сидения возвели её в ранг великомученицы. В этом статусе она убедила, прежде всего, себя, потому что зрителей, кроме меня, никого не было. Она уже при жизни стала памятником, об который разбивались все мои мечты и желания. В ней была мощь, чувствовался непреклонный характер. Однако характер дело наживное – это наследие жизни. В ту страдальческую жизнь жертвы она явилась совершенно другой! У меня есть фотографии того времени. Какая же она была красавица! Она дышала лёгкостью, чистотой и целомудрием. Ещё у неё был абсолютный слух и божественный голос...

И всё это достояние попало во владение одноглазой бестии на тонких ногах. Замужество для матушки стало шоком. Совместная жизнь с мужем и его мамашей началась в местной больничке посёлка Сетунь. В той больничке мамаша мужа была главврачом, а с жильём после войны везде было никак. Сетунь же – моя малая родина, тогда ещё была ближним Подмосковьем, которое застраивали пленные немцы. Так вот, свекровь взялась за невестку рьяно. Воспитывая своего сына без мужа, она была деспот и самодур – сын её слушался беспрекословно. Ко всему, жили они втроём в одной комнате. «Просыпаешься среди ночи, – вспоминала мама, – а на тебя смотрит из угла напротив стеклянное око бдящей свекрови».

Отношения между мужчиной и женщиной лучше всего объясняет только одно слово: непостижимость. Как написано в Книге притчей Соломоновых: «Три вещи непостижимы для меня и четырёх я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице». Отец за всю свою жизнь не обронил ни одного плохого слова о нашей матери, а когда мы, милые детки, жаловались на неё, а сестрица уже в зрелом возрасте пыталась развести их, отец всегда отстаивал её сторону. Он говорил, какая она необыкновенная, какая тонкая... а я своим детским носом всегда чуял в ней мента. В матушке была какая-то поверхностная правда – формальная, как закон постового. Вы нарушили – и всё. А то, что матушка уже после смерти батюшки долгими зимними вечерами наговорила мне о нём, сводилось к одной теме: «не мужик, тряпка, Дымов». Было, было в нём нечто мягкотелое и суеверное, что для любой женщины – просто беда. В своё время его мать над ним хорошо поработала. Однако чем больше он отталкивал от себя, тем больше и завораживал. Чем отталкивал, тем и привлекал – такой вот феномен.

Первого ребёнка, моего старшего брата, бабка вытравила сама. Тогда аборт были запрещены, но она была хирург, главврач больницы – как-то всё устроила. После первого аборта, оставшегося на её совести, родилась Танька. Потом был опять аборт. И опять мальчик. Мать больше не хотела детей и меня ждала та же участь. Спас отец. Он вовремя вернулся из какой-то поездки и, узнав, куда и зачем легла жена, со скандалом вывез её оттуда. Так что назвать отца «тряпкой» мать поторопилась. Я категорически не согласен.

По поводу несостоявшегося аборта на меня недавно обрушилась одна мысль, и уже не отпускала ни в какую. Она меня заворожила, как завораживает тайна, и взорвала мозг, как взрывает истина. Я просто узнал, что буквально сразу же после соединения сперматозоида с яйцеклеткой возникает жизнь. Больше того, учёные зафиксировали свечение вокруг зародыша, мол, это и есть душа будущего человека. То есть, надо мной, уже светился божественный нимб жизни, когда меня захотели лишить всего.

Был огромный период жизни, когда меня мучил страх. Да что там говорить, страх наплывами подступал всю сознательную жизнь! Повода не было, а я боялся. Чего? Может того

скребка, которым вычищают плод? Этот вопрос, не получив ответа, завис в моей голове. Как и то, почему смерть отца потрясла меня до глубины души, уход же матери никак не отразился на моём душевном состоянии. И никаких чувств, кроме облегчения я не испытал. Был у меня и другой опыт. Опыт потусторонней жизни. Видно, грань жизни и смерти была так неразличима, что я часто пересекал её, и как бы жил под покровом метафизики. Я ощущал себя жителем сразу двух миров. Для художника – бесценный опыт. То есть моя биология с анатомией жили в этом «лучшем из миров», а дух блуждал уже по искривлённым дорожкам инобытия. Страх же окрашивал всё в белесые цвета Смерти.

А вопрос, что завис в мозгу – плёвый. Что это – просто биология? Мать меня не хотела, задумала убить, и я запомнил это на клеточном уровне, и на том же клеточном уровне не смог её простить. Но мать меня вскормила грудью, заботилась всю жизнь и так любила, что чуть не утащила с собой в могилу. И прожил я с этим «ощущением матери» всю жизнь. То есть, мой душевный комфорт постоянно убивал страх, на моё духовное созревание наложилась душевная боль.

Впрочем, трудно во всё это поверить. Мистика какая-то, фантазии, блуд мысли. Если бы природа так реагировала на подобные «женские слабости», жизнь превратилась бы в ад. Мой страх – это нечто реальное, выпуклое, томящее только меня одного. Он – другой и очень мой. Он – индивидуален! И причина – где-то рядом. А если это суть моя? Вот такая гипертрофированная суть! Я же всё довожу до упора, до тупика. Быть может, это реакция на мою дикую сущность? Я блуждаю в первобытном мире «до знаний», мысли у меня крамольные, всё подвергаю сомнению. Это реакция на себя самого. Я боюсь себя, своей сути! «Я встретил врага, и это был я сам». Вот так. Только «враг» мой, быть может, и есть порождение того изначального родового страха? И те «женские слабости» и превратили мою жизнь в ад? Тогда как? И ещё один козырь, подтверждающий эту теорию – со смертью матери страх ушёл. Вот такой волнительный итог нашей совместной жизни.

На самом деле меня многое волнует. Ведь моя жизнь полностью зависела от судеб отца и матери, как судьба каждого из них – от судеб их родителей. Погибни отец на фронте, не сядь мама в ту же электричку, где ехал отец – ничего бы не было. И что? Это цепь случайностей или закономерность? Хорошо, пусть так, пусть закономерность. Я верю в предопределение, верю, что дети выбирают родителей, верю, в целостность мироздания и не верю в инопланетян.

У матери я остался один и был абсолютной единицей, вмещающей в себя все её чаяния. Поэтому и наша война была нешуточная. Мать нависала надо мной всей своей жертвенной тяжестью, и я до сих пор ощущаю её облик – властный облик, говорящий со мной языком ультиматумов. Я постоянно чувствую на себе её безмерную любовь и ненависть до полного отречения, со страшным словечком «нелюдь» внутри. Это словечко было откопано в глубинах её подсознания и запущено в мир. Я – нелюдь, она – жертва и сама невинность. Я до сих пор не могу понять, чего в ней было больше – любви или войны? Или это такая любовь? Любовь до гроба. Накануне её смерти я выпил и прозрел: она же хочет меня забрать с собой в могилу! И её буквально сводит с ума, что я не хочу туда с ней отправляться. Я тогда так и сказал:

–Что? Не получается утянуть за собой?

На следующий день её не стало. Утром я обнаружил хладный труп в её комнате. Она стояла на коленях, ничком упав на кровать, будто молила о чём-то. Наверное, просила Бога не разлучать нас. Похороны мне реально понравились. Во внутреннем кармане у меня булькала плоская бутылочка коньяка, и всё было окрашено предчувствием новой жизни. Нас было трое: Мать-покойница, дух Отца Гамлета, ну и сам Гамлет, из двух зол, выбравший БЫТЬ. В зале для прощания мать лежала в гробу необычайно красивая. И если отец тогда (13 лет назад) светился Святостью, то мать сейчас излучала Красоту. Они были пара! Вот бы их рядом положить...

Играл Бах. Я зачем-то спросил у единственной тётки, дежурившей в зале: это Бах? Это я зря сделал, потому что она мне всё равно не ответила, а уникальность момента была испорчена.

К тому же я знал, это – Бах. Потом я поцеловал маму, положил цветы в гроб и отступил. У неё был очень строгий вид – она была недовольна, что я не с ней. Так, из всей нашей аномальной семьи, на этом свете остался только я. Маме это не нравилось. Гроб медленно, под аккорды Баха, погрузился в преисподнюю. Ну, туда, где священный Огонь, туда, где Тайна, куда мы все стремимся, и будем обязательно. Нет, положительно, мне всё очень нравилось. Это вам не в сыр-землю к червякам, здесь всё в традиции: земная жизнь должна завершаться Очистительным Огнём. Жаль только, что момент истины скрыт от нас. В Японии кремацию показывают по телевизору.

Вот и всё. (А сколько престарелых мальчиков утянули за собой их мамы!..). Я выжил, женился, у меня родилась дочь. А потом и сын. Теперь нужно было нарисовать бога...

15. Омерта

Бог так просто не давался. Он, как и положено, требовал жертвы. И я, не раздумывая, положил к Его пьедесталу свою жизнь. А жизнь моя и не жизнь была, а война. Ну да – война. Когда тебя постоянно держат на мушке – это война? Или чего похуже. Соскочить-то с прицела не можешь, только головой крутишь. Не потому что увернуться надеешься, просто нервы сдают – нервное это. Ощущение войны, ощущение небесного снайпера, целящегося в голову – было изматывающе долгим. Просыпаешься – и оказываешься на мушке. И весь день потом не можешь соскочить. К ночи, измотанный постоянным присутствием в мозгу того снайпера, забываешься дурным сном. И снится тебе пьянка...

Когда я начал писать эти записки, меня волновало только одно: смогу ли я скрупулёзно по пунктам описать то состояние, что происходило со мной. Мне серьёзно казалось, что я участвую чуть ли не в историческом событии. Ну, если и не в историческом, то уж точно – в уникальном психологическом эксперименте. Я даже хотел писать хронику тех событий, решив, что это будет интересно всему роду людскому. Это ж, какие психологические изыски, какая пропасть философской мысли и глубины творческого процесса! В реальности оказалось – даже мне это не интересно.

Вообще-то на поиске Бога зиждется вся русская литература. Поэтому и казалось – мой опыт бесценен. Но, цитируя себя самого, получилось «то, что задумывается сначала и образуется потом на выходе – совершенно разные вещи». Мой поиск Бога вылился в такую бездарную и нудную тягомотину, что впору было задуматься, туда ли я полез. О чём это вообще? Потом начались психопатические вывихи, от которых сам Фрейд бы полез на стену. Как описать такое?!

Можно, конечно, написать документально просто: «Целый год я стоял у станка и стирал о холст кисточки». А можно чуть подробнее: «Представьте плоскость 2 на 1,5 метра, и безумца, который замазывает эту плоскость краской. Потом, неудовлетворённый содеянным, соскабливает её с неистовством. Потом вновь наносит. Тоже с неистовством, причём, неистовство неудовлетворённости растёт с геометрической прогрессией. И так в течение года». Быть может кому-то интересно будет узнать, что же творилось в голове у подопытного? Так тоже всё элементарно: «пустота и вихри». Ну, в смысле завихрения в пустой голове. Как-то так. Может не того бога я искал? Вот, вот, именно! – этот вопрос и напрашивается. Ведь все уже знают – бог будет таким, какие мы сами есть. А сами мы не местные, в смысле – не от мира сего, и законы нам ваши не писаны, и ваш бог нам не указ. Я рисовал бога, а рисовал-то, естественно, себя. Причём худшее своё отражение.

Но главное даже не это. Самое страшное – это повторы. Когда повторяется такое – кажется, что мир рушится и летит в тартарары. Эти блуждания по пустыне без руля и ветрил напоминали мне начало моего творчества, и повергали в отчаяние. Тогда, в начале пути, 6 лет я

не мог ничего изобразить. Вдумайтесь и ужаснитесь: ШЕСТЬ лет пустоты. Шесть лет поделите на месяцы и недели, на дни и ночи, на часы и мгновения! И – ничего. Вообще. Нуль. Дырка. Чёрная дыра. Но я же упёртый! Я буду долбиться в то астральное окошко вселенной хоть шесть лет, хоть сколько, пока не треснет окошко, пока не выглянет из окошка Его Неуловимый Лик, и не проявится образ Добра и Истины на моём полотне. (Замысел, блин, как диагноз).

Но вот в чём тут дело. В глобальном, так сказать, смысле. В смысле, не Шестилетней войны, а в сражении, величиной в Жизнь. Лучшие мои работы проходили именно через вот такое горнило. Так уж завелось в моей практике. Без этого ступора, без такого «диагноза» не обходилось ни одно стоящее полотно. То есть, пройдя через все эти блуждания по пустыне, через безмыслие, безверие и прочие неудобоваримые и плохо проявленные состояния (о которых и поведать я толком не мог) – рождалось в итоге то подлинное, к чему я и стремился. Парадокс.

Однако. Во время той битвы внутри холста (и битвы внутри себя самого, естественно) – картины заряжались той сумасшедшей энергией, которую источал я на протяжении всей работы. Они были загружены мной под завязку – и чем дольше я смотрел потом на уже созданную картину – тем больше она отдавала. Она была живая – притягивала к себе. Внутри клокотал мой дух. Мой дух – это, конечно, песня. Вернее симфония, поскольку мощь ощущалась во всём! Он словно жил отдельной от меня жизнью, будто и не мой это дух, а ДУХ всеобщий и я как бы при нём. Он ярился в этом мире независимый и непредсказуемый как стихия, но стихия эта жила в моём пространстве, именуемом телом, и владела тем телом безраздельно и целиком.

Так я вот что скажу. Это только казалось, что я что-то там задумал, куда-то там гребу, в какие-то пропасти падаю, и в какие-то выси взлетаю. Ещё порой кому-то казалось, что я мощный целеустремлённый тип – пружина к намеченной цели напролом, не обращая внимания на препятствия. Так, во всяком случае, мне сообщали товарищи по цеху даже с некоторым восхищением и ревностью (меня ревновали к моему же духу). Нет, всё было не так. Это дух, расправив крыла, парил во вселенной, а я, Его ничтожество, умирал рядом от осознания той невероятной огромности и невозможности переварить его.

Дух вообще оказался главным действующим лицом во всей этой истории. Ни мысль, ни чувства, ни... чего там ещё? воображение, мечты и грёзы (подозреваю, даже душа пугливо помалкивала) – ничего у меня не работало. Только дух. Все дороги вели в мир ДУХА, в котором правил древний как сама жизнь – бог Яр и богиня смерти – Мара. Поэтому и ярился мой дух и морок поглощал меня, и не мог я выйти из того состояния.

Вначале я думал, ну, не может профессионал так работать. Если ты закапываешься в холст с головой и месяцами не можешь выкарабкаться оттуда, это не работа – беда. Настоящий профессионал выдаёт несколько сот работ в год. Наследие Пикассо исчисляется тысячами единиц. Если бы в каждую работу маэстро нырял как я, то жил бы вечно. Или не жил вообще. Не мог же европейский гений заниматься подобным самокопанием и самоистязанием. Это наша религия. Потом перестал об этом думать вообще и замолчал. Я понял главное и принял как данность – картина, как и жизнь, должна пройти через все испытания: горнило страстей, ступор, отчаяние и чего бы там ни было. Это стало моей абсолютной истиной. Омерта.

Омерта – обет молчания. Омерта всегда считалась тем правилом, которое внушают сицилийцу с младенчества. Его учат молчать прежде, чем он начнёт говорить. Омерта – это когда все всё знают, но молчат. Потому что это истина, данная свыше, и об которую можно разбить лоб, сломать зубы, свернуть себе шею, ничего не поняв и ничего не добившись. Она есть – и всё. Она – сокровенна. Поэтому и молчат все и всегда.

Я же – Олух Царя Небесного молчал потому, что рассказать об этом был не в состоянии. Хотел, жаждал всем существом раскрыться, выпростать эту страшную тайну – но не мог, потому что не понимал, что происходит со мной. Я не понимал, кто меня заказал, истязает, и зачем ему это нужно? Но теперь я, кажется, нашёл своего врага – Дух. Всё тот же всемогущий

всепроникающий дух поедает меня. И я, божий сын, попал в резонанс его звучания и спёкся. Меня убивает то, что меня создало, и чем жив я. Вот истина на все времена! Теперь же... продолжая логику этого открытия, я так скажу: что меня убивает, то я возьму как оружие! Им и разнесу его пенаты. Вот – выход, вот – разрешение моего вечного спора. Дух против духа!

Видел я однажды такую войну – ночную грозу над озером. Войну духа Озера против духа Неба. Громовержец небесный посылал в Озеро свои огненные стрелы, а оттуда – страх господень! – в ответ мощные сполохи огненных брызг прямо туда – в его стихию. И, надо сказать, Озеро отстояло свои права – громовержец отступил, разъярённый, и ушёл за горизонт. Вот и у меня или – или. Только здесь: мой собственный дух против духа меня самого, и всё происходит во мне! Это будет похлеще разборки Фауста с Мефистофелем!

Когда у тебя раздвоение личности – это болезнь. По научному так: «Диссоциативное расстройство идентичности (расщепление личности) – очень редкое психическое расстройство, при котором личность человека разделяется и создаётся впечатление, что в теле одного человека существует несколько личностей». Но когда их число с каждым часом множится и от личностей уже не куда деваться, и все эти личности – твоё порождение! И все они – художники! И когда все эти художники рисуют твою картину, и не просто рисуют, а творят Образ Его Самого – тогда это уже не болезнь, это... твои трудовые будни.

Личности множатся, и все с утра до вечера творят Образ Его Самого. А Он всё не рождается, и не рождается! Не даётся – и всё тут! И кто-то уже запаниковал, кто-то впал в ступор. Кто-то уже отрёкся с лёгкостью Петра, кто-то предал с радостью Иуды. И не трижды, а многожды на день, потому что везде – тупик. Везде – страх Господень. И нет простора, нет воздуха, а только подвал, похожий на склеп. И вот уже подступает отчаяние. Башку дырявит многоголосый хор несостоявшихся мазил, а по углам валяется поломанный бог.

Я соскабливаю всё безобразное, что появилось на холсте и окончательно захожу в мёртвую зону. То есть я не там, где мне положено быть – в сферах и высях, а конкретно здесь – в данном пространстве и времени. Я вижу свои перепачканные краской руки, вижу краску, вижу ненавистную плоскость холста. И всё! А снайпер держит меня на мушке. И я уже страстно хочу, чтобы он снёс мне полголовы! Как и кому поведать такое? С кем идёт моя пожизненная война? Кто меня убивает? От кого я бегу? Какого беса несусь в себе? Кому всё это нужно? Омерта.

16. Пока страна загибалась...

Как я тогда выжил? Неведомо и непонятно. Мистика. Когда вся страна ломилась в сберкассы – поменять свои трудовые капиталы («Павловская реформа») я был холоден как рыба. Я был спокоен и бесстрастен как аристократ, когда товарищи по цеху меняли советские сторублёвки в кассе комбината. Я был туп как пенёк и недвижим как сфинкс. Не было у меня капитала. Нигде. Я был почти счастлив, наблюдая это безумие, и не думая ни о чём. Как жить, выживать, что завтра есть (в смысле, чем реально питаться)? Я не понимал даже самой постановки вопроса. Такого у нас не было никогда. Мы жили, решая совершенно другие проблемы.

А потом в стране началась что-то совсем уже несусветное и противоестественное – она съехала с рельс, соскочила с болтов, мы вошли в зону безвременья, а я... продолжал жить своей привычной жизнью. Нет, я, конечно, заволновался, глядя в телек, и видя странную и страшную новую страну, но я не соотносил это с собой. Я продолжал писать картины, пить (благо, этого добра теперь стало, хоть залейся). Я выставлялся!

А дальше я расскажу о том, о чём надо бы помалкивать. О своей мистической везухе. Как гласит народная мудрость: «Потерял – молчи, нашёл, – молчи». Не будь дураком – помалкивай в тряпочку. Не дёргай судьбу за усы! Ну, да, всё так. Однако. Не стоит в который раз напоми-

нать, кто перед вами? И название романа не стоит озвучивать в очередной раз? Поэтому, и расскажу, всё как было.

Пока страна загибалась, и искала способы выживания, случай мне подкинул денег в самый отчаянный период моей жизни. У судьбы, нашёлся-таки «козырь за пазухой». Мать любила мне повторять, что родившись на Пасху, я принёс удачу семье. Сначала нам дали комнату в коммуналке, а потом и вовсе небывалый подарок – мы получили квартиру, что по тем временам было чудо из чудес. Короче, чудо случилось и в начале 90-х. В смысле, оно случилось раньше, но в начале 90-х я осознал насколько это чудо чудесно. Когда-то в советские времена матери удалось сделать невозможное – «родственный обмен» с матерью отца – бабой Шурой, о которой я упоминал уже. Вскоре его запретили, но квартира так и осталась числиться за мной.

А что такое квартира в Москве – никому рассказывать не надо. Я сначала сдавал, а потом продал её за новые русские деньги, ставшие так популярны тогда в моей стране – долларии.

Потом, тот же случай, напоминающий джокера в рукаве, свёл меня с богатыми дамами, интересующимися творчеством моего отца и, что особенно радовало – моим. Одна дама сама удачливый дизайнер из нашей среды, раскручивала богатеньких буратино на щедрые траты в новых русских квартирах. Крохи с царского стола перепали и мне. О второй даме без придыхания и говорить невозможно. Можно только пропеть как музЫку. Она была из бывших советских инженеров-химиков, прозябающих полжизни в советских же НИИ. Но с приходом новых времён, из химика она превратилась в алхимика в делах странных и страшных (для меня), именуемым непривычным для нашего уха словом – бизнес. Не буду вдаваться в подробности, о которых я ни тогда, ни после – понятия не имел, скажу только, что жизнь моя приобрела ореол значимости. Она оценила и даже восхищалась, (бывало и такое) – моей живописью. Но, главное стала её ПОКУПАТЬ.

Впервые в жизни я держал в руках такие суммы новых русских денег, которые вселяли ощущение мощи и уверенности в будущем. Не буду говорить о тщете и обманчивости этих ощущений, скажу только, что я был перевозбуждён, конечно, но до полного безумия не дошёл. Здравому смыслу хватило не соваться ни в какие авантюры, со сладкими посулами, ни в какие ВЛАСТЕЛИНЫ, МММ и прочие финансовые заманухи. Я был настолько лох, что даже не понимал, как там все эти схемы пирамид работают. Но ума хватило не «колотить понты» и не строить из себя крутого предпринимателя и супермена. Короче, излишки денег я покорно нёс в привычную сберкассу (которая стала называться Сбербанком).

Жил я тогда, как, впрочем, и прежде, свободным манером. Писал картины и безбожно пил (безбожно – значит привычно). Ещё у меня была подруга и сумасшедшая страсть к ней, о которой я написал целый роман. С подругой мы расстались, осталась только пьянка и невозбранная страсть. Со смертью отца всё это хозяйство переехало из мастерской в квартиру. Так и жил я, между страстью и пьянкой. Зато с мамой. Про маму я тоже всё написал. 13 лет жизни со мной возвели её, если помните, в ранг великомученицы. Она в статусе жертвы, я – в статусе её погубителя. Так мы и жили – мирно и вполне благополучно. Она тогда стала утёсом, об который разбивались валы моих страстей и желаний. Привести к ней в квартиру женщину было странно, даже невозможно. Это было негласное табу. Нет, я, конечно, периодически нарушал запреты. Мать никого не выгоняла, беседовала с избранницами с интересом, даже, бывало, выпивала с нами. Она нравилась им. Но ни у одной моей девушки не возникало территориальных претензий. Они как-то мельчали в её биополе. И всем всё было понятно. Да и редко они забредали сюда – была мастерская, где зависали мы по несколько дней.

К чему я об этом вспомнил? Девушки кончились быстро. Не потому что они кончились в природе, просто появились проститутки. Хотя, быть может, замена наших советских девушек на капиталистических проституток было вполне в духе того времени. Это было явление, на которое я, неуравновешенный и вечно пьяный, запал капитально. И с восторгом. Проститутки были красивые, весёлые и доступные. Во мне же бушевала неудовлетворённая страсть, усилен-

ная кризисом среднего возраста и рутиной житъя с вечно «умирающей» матушкой. Началась веселуха. Причём, это было не разовое падение в тартар, а некое сознательное действие. Будто кто-то нашептал мне, а я прислушался, как нужно красиво расставаться с жизнью. А расстаться мне страстно хотелось. Вот здесь новые русские деньги и пришлись кстати. Тогда проститутка стоила дешёво – за 100 баксов можно было снять на ночь двух, а сотенных бумажек у меня было немерено. Почему двух? – просто жажда была непомерна...

Мать отнеслась к проституткам на удивление терпимо. Бывало, мы выпивали втроём, она с ними чирикала «за жизнь», задавая всякие вопросы, в том числе и классический: «как они дошли до жизни такой?». Со временем я обзавёлся «своей семьёй» с мамочкой и постоянным набором подружек – с ними и общалась матушка. Были у меня и любимицы. Им тоже нравилось бывать у меня, поэтому, когда с деньгами начались проблемы, они работали почти даром. Но об этом тоже всё давно сказано и записано.

У нас же повесть о художнике во всех его ипостасях. В том числе, и в тех, о которых самому художнику «помыслить стыдно». Должно быть, но не стыдно. Взлёты и падения... и проч., и проч. Так что, пока страна загибалась, художник и певец её (страны) странностей, отвязывался по полной. И всё это вместе называлось поиском бога в отдельно взятой личности. Поэтому следующая глава у нас совершенно о другом – о муках творчества. И муках сопутствующих. И назовём её соответственно: «Сопромат». То есть мой материал всё-таки сопротивлялся. Как мог.

17. Сопромат

Я давно уже перешёл на акрил вместо любимого масла, которым писал всю до-потопную жизнь. Ещё свежи воспоминания, как в нашем царстве-государстве случился великий потоп, который поглотил всё сколько-нибудь ценное, а на поверхность с самого дна всплыло оно – нечто бесформенное, но хищное, что полстраны превратило в нищих. Остальные в борьбе за выживание – пропали без вести. Я, слава богу, выжил, и даже продолжил свои упражнения с красками, но... был вынужден перейти на акрил.

Акрил – тупая краска, созданная, очевидно, чтобы рисовать плакаты и вывески. Причём, я покупаю акрил не в художественном салоне, а беру оптом тот, что продаётся на строительном рынке. То есть я рисую строительными красками, теми, чем красят стены и фасады. И это реальность дня сегодняшнего, то бишь моего пустого кошелька. Зато, покупая ведро белил и россыпь бутылок с колерами – я не думаю, сколько и где мазнуть, потому что краски у меня море. А когда у тебя море краски, ты не экономишь её, не боишься экспериментировать, льёшь её, где попало и в результате осваиваешь и эту «тупую краску», и нарабатываешь свой стиль.

Где-то слышал, читал, Пикассо с первого гонорара накупил себе кучу тюбиков масляной краски, положил их горкой в мастерской и радовался, что не надо больше экономить и думать о ней. И я его понимаю. Впрочем, я и раньше не особенно экономил – у меня всегда был запас масляных красок. В комбинате, где я работал до потопа, были такие нормы расхода красок, что после выполнения заказа темпера, которой мы делали картоны, а также гигантские уличные плакаты ко всем советским праздникам – оставалась коробками. Я её и менял на масло у знакомого киоскёра. Ну, а сейчас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.